ВОСПОМИНАНІЯ ЕГОРА ѲЕДОРОВИЧА ТИМКОВСКАГО.

Предлагаемыя записки, озаглавленныя авторомъ: *„Воспоминанія о моей жизни“*, были найдены нами въ с. Турановкѣ, глуховскаго уѣзда, между разными бумагами, которыя остались послѣ смерти Ильи Ѳедоровича и его сына Василія Ильича Тимковскихъ и о которыхъ мы говорили въ своей статьѣ, посвященной первому изъ нихъ [1]).

Подобно тому, какъ старшій братъ автора Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, воспоминанія котораго подъ заглавіемъ: *„Мое опредѣленіе въ службу“* были изданы два раза [2]), начавъ вспоминать свою жизнь съ раннихъ, дѣтскихъ лѣтъ, прервалъ этотъ разсказъ на времени своего опредѣленія въ службу, такъ точно и Егоръ Ѳедоровичъ, задумавъ, какъ видно изъ настоящихъ записокъ, разсказать всю свою жизнь, остановился въ своемъ разсказѣ приблизительно на той же самой порѣ жизни. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ дѣйствовала общая, свойственная обоимъ братьямъ черта характера, а можетъ быть—у Егора Ѳедоровича были для этого свои особыя причины. Начавъ писать эти воспоминанія по выходѣ въ отставку, на своей родинѣ, въ золотоношскомъ уѣздѣ, гдѣ все напоминало ему о прошломъ и гдѣ такъ удобно было сосредоточиться и уйти мыслью въ это прошлое, Егоръ Ѳедоровичъ не остался тамъ жить навсегда и снова сталъ искать службы въ Петербургѣ;

---

[1]) Кіевская Старина 1891 г. №№ 8—10.

[2]) Москвитянинъ 1852 г. №№ 17—20 и Русскій Архивъ 1874 г. № 6.

а съ переѣздомъ туда новыя встрѣчи, принятыя имъ на себя служебныя обязанности и вообще вся обстановка столичной жизни—конечно, не могли не отвлечь его отъ той работы, которую онъ началъ въ тиши деревенскаго уединенія.

Прерванныя такимъ образомъ записки Е. Ѳ. Тимковскаго обнимаютъ собою годы его воспитанія: сначала въ семьѣ родныхъ, проживавшей въ д. Згорской Тимковщинѣ, или Тимковкѣ золотоношскаго уѣзда, потомъ—въ Золотоношскомъ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ, въ которомъ начинали свое образованіе всѣ братья и сестры Егора Ѳедоровича, а также его племянникъ Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, затѣмъ въ Кіевѣ и Переяславѣ и наконецъ въ Московскомъ университетѣ, причемъ воспоминанія о послѣднемъ относятся къ интересной порѣ, предшествовавшей войнѣ 1812 года. Автору пришлось видѣть этотъ университетъ, курсъ котораго онъ только что окончилъ, опустошеннымъ французами. Нѣтъ сомнѣнія, эта часть записокъ Е. Ѳ. Тимковскаго представитъ большой интересъ для москвичей и для всѣхъ интересующихся прошлымъ Московскаго университета, тѣмъ больше что въ литературѣ, на сколько намъ извѣстно, не имѣется другихъ воспоминаній объ этой порѣ жизни старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ; а для журнала, посвященнаго изученію южно-русской старины, имѣетъ значительный интересъ другая часть записокъ, которая можетъ послужить матеріаломъ для исторіи учебнаго дѣла въ этомъ краѣ, и также представляется цѣнною въ виду скудости свѣдѣній, имѣющихся въ литературѣ по этому предмету.

Такъ какъ, начавъ повѣствовать о своей жизни, Е. Ѳ. Тимковскій не окончилъ своихъ записокъ, разсказавъ лишь о своей молодости, то въ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ самъ излагаетъ о себѣ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ автора. Поступивъ въ концѣ 1813 года на службу по вѣдомству путей сообщенія въ г. Твери, гдѣ въ то время находилось главное управленіе путей сообщенія, состоявшее подъ начальствомъ Ольденбургскаго Принца Георгія, Е. Ѳ. Тимковскій черезъ два года съ переводомъ этого управленія въ Петербургъ

переселился изъ Твери туда. Занимая должность секретаря совѣта путей сообщенія, онъ участвовалъ во многихъ комитетахъ и коммиссіяхъ по представляемымъ въ этотъ совѣтъ проектамъ и запискамъ. Затѣмъ въ 1820 году, по предложенію графа М. М. Сперанскаго, который былъ тогда сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, Тимковскій былъ избранъ правительствомъ для сопровожденія въ Пекинъ вновь составленной подъ начальствомъ архимандрита Петра Каменскаго духовной миссіи и для возвращенія оттуда прежней духовной миссіи, начальникомъ которой былъ извѣстный Іакинфъ Бичуринъ. Выѣхавъ изъ Кяхты 31 августа 1820 г., Тимковскій возвратился туда изъ Китая 1 августа 1821 г., употребивъ такимъ образомъ на путешествіе внѣ предѣловъ Россіи около года, причемъ пять мѣсяцевъ провелъ въ Пекинѣ.

Результатомъ этой поѣздки въ Китай явилось изданное въ 1824 году, въ трехъ томахъ, сочиненіе И. Ѳ. Тимковскаго: „Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ". Въ первой части этого сочиненія описывается караванный путь между Кяхтою и Пекиномъ, вторая часть заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о Китаѣ и отчасти—о восточномъ Туркестанѣ, Тибетѣ и Кореѣ; третья часть посвящена описанію возвращенія въ Россію „прежней духовной миссіи и общему обозрѣнію Монголіи съ точки зрѣнія исторической, географической, административной, этнографической и религіозной; къ книгѣ приложена карта пройденнаго авторомъ пути и нѣсколько плановъ и рисунковъ. Устарѣвшее теперь, съ изданіемъ новыхъ матеріаловъ и источниковъ, прежде недоступныхъ, это сочиненіе въ свое время имѣло огромный успѣхъ, было переведено на языки французскій, нѣмецкій и англійскій и сдѣлало имя Е. Ѳ. Тимковскаго очень авторитетнымъ между всѣми изучающими Китай: въ теченіе многихъ лѣтъ оно служило для нихъ настольною книгою.

Другимъ послѣдствіемъ путешествія Е. Ѳ. Тимковскаго въ Китай было освобожденіе Іакинфа Бичурина и изданіе трудовъ послѣдняго. По поводу этого графъ М. М. Сперанскій, по словамъ К. А. Скачкова [1]), говорилъ: „нашъ Тимковскій подарилъ

[1]) Московскія Вѣдомости 1875 г. № 66.

Россіи два китайскихъ творенія: одно живое—отца Іакинфа и другое живописное—свою книгу *Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію*", а упомянутый К. А. Скачковъ, который самъ не одинъ разъ путешествовалъ въ Китай (позже Тимковскаго), въ запискѣ, прочтенной въ засѣданіи Русскаго Географическаго Общества 5 Марта 1874 года, высказалъ слѣдующее: „Если, говоря словами Егора Ѳедоровича, судьба украсила его жизнь событіемъ рѣдкимъ, незабвеннымъ, тѣмъ, что онъ видѣлъ Китай, то, скажемъ и мы, судьба украсила его жизнь еще и вторымъ событіемъ, тоже рѣдкимъ и незабвеннымъ, оставившимъ вѣчную память и признательность ему. Онъ сберегъ намъ, для чести русской литературы, Іакинфа Бичурина. Пользуясь своимъ офиціальнымъ положеніемъ и заслуженнымъ довѣріемъ къ себѣ, Егоръ Ѳедоровичъ успѣлъ избавить изъ заточенія бывшаго архимандрита, поселеннаго въ Валаамскомъ монастырѣ, простаго чернеца; онъ помогъ этому воспитаннику и знатоку крайняго Востока выйти изъ своего ничтожества; онъ упорно содѣйствовалъ просвѣщенной иниціативѣ Азіятскаго Департамента къ изданіямъ замѣчательныхъ сочиненій Іакинфа Бичурина, послѣдствіемъ чего было то, что имя названнаго синолога стало не только извѣстно, а даже, и вполнѣ заслуженно, знаменито между учеными въ Европѣ. Значительно выиграла за то и русская литература: она получила лестное первенство своими лучшими свѣдѣніями о Китайской имперіи. И съ легкой руки Тимковскаго и Бичурина, такимъ первенствомъ она пользуется и понынѣ. Оттого, если въ кругу нашихъ ученыхъ сочленовъ будетъ справедливымъ наименовать Іакинфа Бичурина *первоучителемъ* русскихъ синологовъ, то по долгу правды и признательности столько же будетъ справедливымъ наименовать Егора Ѳедоровича Тимковскаго *патріархомъ* тѣхъ русскихъ, которые изучаютъ Китайскую имперію".

По возвращеніи изъ Китая, Е. Ѳ. Тимковскій служилъ начальникомъ отдѣленія въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ 1830 по 1836 годъ былъ консуломъ въ Молдавіи. Утомленный службой, въ 1836 году

онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи въ золотоношскомъ уѣздѣ, гдѣ прожилъ около девяти лѣтъ. Затѣмъ недостатокъ средствъ, которыя могло доставлять это небольшое наслѣдственное имѣніе, побудилъ Тимковскаго, продавъ имѣніе, снова поступить на службу, и въ 1845 году онъ занялъ должность начальника отдѣленія драгомановъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1852 году онъ былъ назначенъ на должность управляющаго С.-Петербургскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ 1866 года служилъ членомъ совѣта названнаго министерства, и въ этой должности умеръ 9-го февраля 1875 года, на 85 году отъ роду.

О частной жизни Е. Ѳ. Тимковскаго упомянутый нами членъ Русскаго Географическаго общества К. А. Скачковъ въ напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1875 г. № 66) статьѣ: „Еще о покойномъ Тимковскомъ“ разсказываетъ слѣдующее: „Егоръ Ѳедоровичъ былъ замѣчательнаго ума, отличался необыкновенной памятью, честностью и образцовою деликатностью и аккуратностью; въ своей частной жизни онъ всего болѣе любилъ тишину и спокойствіе. Женившись въ 1826 году на замѣчательной красавицѣ того времени, дочери придворнаго духовника протоіерея Павла Креницкаго, онъ имѣлъ только одну дочь, скончавшуюся на 7-мъ году. Со своею женой онъ жилъ душа въ душу 48 лѣтъ. Въ никогда неизмѣнные его вечера, по понедѣльникамъ и вторникамъ, къ нему собирались его родственники и друзья; добродушный, гостепріимный хозяинъ, всегда довольный, серьёзный, обходительный и словоохотливый, обыкновенно любилъ разсказывать о своихъ протекшихъ долгихъ годахъ; любимѣйшіе его разсказы были о Китаѣ, за событіями котораго онъ усердно слѣдилъ. До момента своей кончины онъ не измѣнялъ себѣ ни въ чемъ; даже его зрѣніе оставалось по прежнему молодымъ, никогда не зная очковъ. За два дня до своей кончины, въ тяжкихъ страданіяхъ отъ антонова огня, послѣ 50 слишкомъ лѣтъ какъ онъ былъ въ Китаѣ, будучи въ полной памяти, онъ встрѣтилъ меня привѣтствіемъ, сказаннымъ по китайски“.

Другой знакомый Е. Ѳ. Тимковскаго Л. И. Бутовскій на обѣдѣ 12 февраля 1875 г. сказалъ о немъ:

„Прощальнымъ думая привѣтомъ
Почтить прощальный этотъ столъ,
Могу сказать предъ цѣлымъ свѣтомъ:
Другъ человѣчества ушелъ
И намъ живой примѣръ оставилъ:
Гражданской доблести, любви
И всѣхъ души высокой правилъ.
Да! какъ его не назови:
Сановникъ, семьянинъ, знакомый,
Хотя онъ тихо, скромно жилъ,—
На службѣ, въ обществѣ и дома—
Вездѣ онъ совершенствомъ былъ".

Въ текущемъ мѣсяцѣ 9-го числа истекла 19-я годовщина со дня смерти Е. Ѳ. Тимковскаго, а въ будущемъ году въ этотъ день исполнится ровно 20 лѣтъ, и мы рады, что къ этому времени могли извлечь изъ мрака забвенія воспоминанія этого почтеннаго земляка нашего и подѣлиться ими съ читающей публикой.

Н. Шугуровъ.

Воспоминанія о моей жизни.

Живи, живи, умри—и только что въ газетахъ осталось: „выѣхалъ въ Ростовъ"...

Дмитріевъ.

Біографіи людей, отличныхъ умомъ и дѣлами, есть достояніе исторіи, мудрой наставницы народовъ. Но и простой разсказъ о жизни человѣка, менѣе примѣтнаго въ обществѣ, можетъ имѣть нѣкоторую степень занимательности для его ближнихъ, а иногда и для постороннихъ. Первые взглянутъ на такую повѣсть, какъ на пріятный памятникъ объ ихъ товарищѣ, особенно по удаленіи его на вѣки изъ ихъ дружескаго круга, а чужимъ она представится въ видѣ примѣра, если то правда что „les leçons commencent, les exemples achèvent".

Всегда чуждался я тщеславія. Повинуясь только убѣжденіямъ моихъ истинныхъ друзей—оставить имъ письменное изложеніе разныхъ случаевъ моей жизни, о коихъ разсказы въ

деревенскомъ уединеніи слушали они съ любопытствомъ, я далъ имъ слово какъ нибудь описать мою неизвѣстную жизнь. Долго, очень долго я колебался взяться за перо, уже изсохшее и притупленное разными переворотами въ моей судьбѣ. Возобновились приглашенія, просьбы и—нечего дѣлать!—должно исполнить свое слово.

Вотъ основаніе предлагаемаго разсказа. Не знаю, понравится ли онъ читателямъ, кои, впрочемъ, имѣютъ легкое средство избавлять себя отъ скучныхъ предметовъ [1]). Если же возникнетъ изъ сихъ листковъ хотя малая польза, то она будетъ лучшимъ цвѣткомъ на моей могилѣ.

Егоръ Тимковскій.

24 апрѣля 1841 года. въ д. Згарской Тимковкѣ.

Вчера минуло 50 лѣтъ моего земнаго бытія; слѣдовательно я родился 23 Апрѣля 1790 года. Дѣтская колыбель моя стояла въ скромномъ деревенскомъ домикѣ, на живописныхъ холмахъ, омываемыхъ рѣчкою Згарью, полтавской губерніи, въ золотоношскомъ уѣздѣ.

Родители мои, отецъ Ѳедоръ Назарьевичъ Тимковскій и мать Анна Савична изъ дома Терлецкихъ, происходили изъ семействъ дворянскихъ, благородныхъ не только по дипломамъ, но по ихъ чувствованіямъ и поступкамъ: такъ по крайней мѣ отзываются о нихъ доселѣ всѣ знавшіе ихъ. Отецъ мой сначала подвизался въ рядахъ малороссійскаго козацкаго войска, потомъ служилъ на поприщѣ гражданскомъ. Будучи въ Золотоношѣ почтмейстеромъ, уже въ чинѣ коллежскаго ассесора, онъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ своего начальника, знаменитаго нашего земляка князя Александра Андреевича Безбородки, государственнаго канцлера и вмѣстѣ главнаго директора почтъ въ Имперіи. У его свѣтлости бывалъ отецъ мой въ С.-Петербургѣ и въ прекрасномъ его помѣстьѣ Буромкѣ, Золотоношскаго же уѣзда, которое нынѣ принадлежитъ Елисаветѣ Михайловнѣ Фроловой-Багрѣевой, дочери незабвеннаго

---

[1]) Et qui me trouve mal, n'a qu'a fermer les yeux. *Molière*, „L'école des maris".

благодѣтеля моего графа М. М. Сперанскаго. Князь, узнавши, что у добраго подчиненнаго его родился меньшой сынъ (то есть я), обѣщалъ, въ знакъ отличной милости своей, помѣстить меня современемъ въ пажескій корпусъ. Но фортуна не присутствовала при моемъ рожденіи. Едва открылъ я глаза на свѣтъ, отецъ мой черезъ четыре мѣсяца (29 августа) оставилъ его на вѣки, къ неутѣшной скорби и бѣдѣ нашей. Все пошло за головою, какъ говорятъ малороссіяне. Такъ рушились и блестящіе виды на мое лучшее образованіе и на мой лучшій будущій жребій, тѣмъ болѣе, что и князь Безбородко скончался 6 апрѣля 1799 г., когда еще не совершилось мнѣ 9 лѣтъ—срокъ для доставленія меня въ Петербургъ.

Не могу не сказать здѣсь предварительно о двухъ обстоятельствахъ. Отецъ мой, возвратясь изъ столицы, привезъ съ собою въ нашу деревню между прочимъ: а) надежду на покровительство мнѣ князя Безбородки, великаго отечественнаго *дипломата* и б) въ числѣ разныхъ эстамповъ нѣсколько картинъ *китайскихъ*. Неужели, на зарѣ моей жизни, непостижимое провидѣніе такъ ясно произнесло два непреложныхъ приговора въ моей судьбѣ, кои сбылись на самомъ дѣлѣ: большую часть государственной службы моей имѣлъ я честь проходить въ *дипломатическомъ корпусѣ* и—что всего поразительнѣе—я былъ въ сердцѣ *Поднебесной* имперіи, и нѣсколько времени провелъ въ китайскомъ столичномъ городѣ Пекинѣ, или Бейдзинѣ. Но объ этомъ разскажу послѣ, въ своемъ мѣстѣ.

Бѣдственна была участь моей матери. Молодая вдова, окруженная семью сыновьями и тремя дочерьми [1]), владѣтельница какихъ нибудь 250 десятинъ земли, она во всемъ затруднялась, все ее смущало и мрачило дни ея живѣйшею тоскою. Чѣмъ содержать такую большую семью, какъ одинокой управиться съ хозяйствомъ и какимъ образомъ воспитать и пристроить дѣтей? И подлинно, было о чѣмъ ей подумать и потужить.

---

[1]) Сыновья: Илья, Иванъ, Александръ, Ефимъ, Василій, Романъ, Егоръ; и дочери: Татьяна, Марья, Гликерія.

Богъ милосердный услышалъ ея сѣтованія и послалъ самую вѣрную опору вдовѣ и сиротамъ.

Меньшій братъ отца моего Иванъ Назарьевичъ Тимковскій, служившій въ Глуховѣ, въ Малороссійской Коллегіи, при первомъ извѣстіи о смерти его, движимый высокимъ христіанскимъ усердіемъ, оставилъ всѣ преимущества службы и немедленно явился посреди нашего семейства, какъ ангелъ-хранитель. По доброй волѣ, отъ чистаго сердца онъ принялъ на свои руки сиротъ и все хозяйство и далъ слово моей матери не прежде оставить нашъ домъ, какъ выведя, при помощи Божіей, на общую житейскую дорогу ея дѣтей: сыновей—на службу, а дочерей въ замужество.

Такое обѣщаніе далъ дядя мой, и все это исполнилъ въ точности, съ необыкновеннымъ самопожертвованіемъ, къ пользѣ и чести нашего семейства. Славные люди были наши старики!

Уже и я, самый младшій между братьями и сестрами, помѣщенъ былъ въ московскій университетъ (1804), какъ мой благотворительный дядя, по духу благочестія, сильно имъ преобладавшему, отправился изъ нашего дома, на спасеніе, сперва въ Кіево-Печерскую Лавру, а потомъ, устрашенный роскошью и сварами нѣкоторыхъ черноризцевъ, удалился, въ скромномъ видѣ послушника, въ уединенный Мошненскій монастырь, лежащій въ горахъ праваго берега Днѣпровскаго, въ черкасскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, близъ мѣстечка Мошны. Тамъ скончался онъ въ сентябрѣ 1823 г.[1]).

По плану воспитанія, предположенному еще моимъ отцемъ, и по мѣстному обычаю того времени, братьевъ моихъ, по нѣкоторомъ приготовленіи дома, обучали въ Кіевской Академіи, потомъ отправляли въ Московскій университетъ; а оттуда расходились они по разнымъ путямъ жизни, увлекаясь случаемъ или собственнымъ желаніемъ. Хвала Всевышнему! подъ сѣнію

---

[1]) Нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о томъ же Иванѣ Назарьевичѣ Тимковскомъ можно найти въ нашей статьѣ „Илья Ѳедоровичъ Тимковскій“, Кіевская Старина 1891 г. № 8. Н. Ш.

родительскаго благословенія, каждый изъ нихъ служилъ хорошо, къ удовольствію начальства и не безъ пользы для отечества.

Дни моего дѣтства протекли во всей простотѣ сельской жизни. Я росъ вмѣстѣ съ двумя моими сестрами, нѣсколько старшими отъ меня, слѣдовательно безъ товарищей. Какъ самое меньшее дитя, я былъ предметомъ особенной нѣжности матери, которая впрочемъ, по своей разсудительности, не позволяла мнѣ лишняго баловства.

Когда наступилъ шестой годъ моего возраста, матушка, вѣрная исполнительница всѣхъ добрыхъ совѣтовъ и распоряженій нашего дяди-благодѣтеля, отвезла меня въ г. Золотоношу, отстоящій отъ нашей деревни верстахъ въ семи, и тамъ отдала меня, по примѣру другихъ дворянъ нашего уѣзда, въ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ монахинѣ Аврааміи, для обученія чтенію и письму. Не могу выразить, какъ грустна была для меня эта первая разлука съ домомъ, съ сестрами, а всего болѣе съ матерью, которую всегда любилъ я съ благоговѣйнымъ чувствомъ уваженія и привязанности. Нерѣдко посѣщала меня матушка съ сестрами моими, нерѣдко присылала домашніе гостинцы, но все таки монастырь—не родительскій домъ. Впрочемъ, на великіе праздники, раза три или четыре въ годъ, брали меня домой. Тогда занимались мною, какъ самымъ дорогимъ гостемъ. Лучшимъ наслажденіемъ было для меня, вмѣстѣ съ сестрами и другими маленькими родственниками нашими, разсматривать привезенные покойнымъ батюшкою изъ Петербурга разные эстампы и виды голландскіе, итальянскіе, китайскіе и проч. Ничто не поражало столько моего дѣтскаго любопытства, какъ огромное и, помнится, очень искусное изображеніе красками большаго крокодила съ открытою пастью. Всѣ эти картины чрезвычайно занимали меня, и впечатлѣнія ихъ на мое воображеніе тогда же поселили во мнѣ вкусъ и почти страсть къ хорошимъ эстампамъ, усилившуюся съ лѣтами и господствующую до сего времени.

Какъ бы то ни было, поплакавши и погоревавши подъ сѣнію монастырскихъ шелковицъ или тутовыхъ деревъ, я принялся за готическую граматку, т. е. славянскій букварь;

училъ его прилежно, не скажу—съ великимъ рвеніемъ. Черезъ годъ, много полтора, я бѣгло читалъ уже часословъ, псалтырь и порядочно писалъ на черной дощечкѣ жидко разведеннымъ мѣломъ и все таки перомъ, а не кистью. Такова была тогда бережливость на бумагу и чернила; но то былъ восемнадцатый вѣкъ, а въ девятнадцатомъ дѣло иное.

Въ первоначальномъ изученіи мною славянской литературы, произведшей довольно благопріятное вліяніе на мой духъ и слогъ (извините, отъ лѣтъ уже сухой и ветхій), я руководствовался уроками нашей учительницы, семнадцатилѣтней дѣвушки Евдокіи Корнѣевны или запросто *Евдошки*, карликовидной, горбатой, но весьма добродушной и любезной. Вообразите, она до сихъ поръ [1]) живетъ въ г. Золотоношѣ, согбенная еще болѣе годами и нуждою, по упраздненіи монастыря, нашего лицея. Сколь изумила меня теперь встрѣча съ нею: это было, такъ сказать, свиданіе прабабушки съ правнукомъ, истинно признательнымъ. Ей никакъ не вѣрилось, чтобы я былъ тотъ самый ученикъ, кото аго въ минувшемъ столѣтіи она изрѣдка и по дѣломъ за уши дирала, къ столу привязывала и проч. Да, было время, когда я поклонялся ученой Евдошкѣ, какъ Аристотелю, и съ удивленіемъ взиралъ, какъ она бѣлые нитяные чулки своей отличной работы украшала симметрически вишневыми пятнышками изъ сока шелковицы, по тонкому вкусу тогдашнихъ щеголихъ, мѣщанокъ золотоношскихъ.—Tempora mutantur, et nos mutamur in illis: время все измѣняетъ.

Монахиня Авраамія, тетка Евдошки, лично не занималась обученіемъ дѣтей, принимаемыхъ въ ея учебное заведеніе, по нынѣшнему—пансіонъ. Она была женщина тихая, скромная, истинно благочестивая, и сіи черты ея нрава легко отпечатывались на сердцахъ ея воспитанниковъ, коихъ въ мое время у нея было двѣ дѣвочки и три мальчика. При всемъ томъ не могу не сознаться, что сухость подобнаго воспитанія въ простой женской обители, а съ другой стороны холодное, нѣсколько суровое обхожденіе монастырское, коего продолженіемъ было и

[1]) Напоминаемъ, что это говорилось въ 1841 году. – Н. Ш.

наше обученіе въ знаменитой кіевской академіи, произвели не совсѣмъ счастливое вліяніе на мой характеръ. Въ немъ осталась на всегда излишняя мягкость и даже застѣнчивость между чужими людьми, особенно въ жизни политической, непредолимая наклонность къ уединенію, много меланхоліи и расположеніе къ мрачнымъ картинамъ природы.

Года черезъ два послѣ того, какъ уже три брата моихъ были въ московскомъ университетѣ, остался еще въ кіевской академіи старшій (8-ю годами) братъ мой Василій, котораго, по причинѣ слабаго здоровья, въ тайныхъ совѣтахъ матушки съ нашимъ дядею, предполагалось посвятить въ монашество, и тѣмъ заплатить подобострастную дань любимому обычаю края и времени. Конечно, пути провидѣнія непостижимы, но мнѣ кажется, что въ иноческой мантіи онъ былъ бы превосходнымъ витіею и очень умнымъ педагогомъ въ духовномъ мірѣ, словомъ—совершилъ бы свое земное поприще съ большею пользою, не такъ рано и не столь жалко. Его-то руководству ввѣрено было настоящее уже образованіе моего ума и сердца, и я съ чувствомъ вѣчной благодарности объявляю, что ежели замѣтно въ нихъ что либо хорошее, то оно насаждено его братскими о мнѣ попеченіями въ Кіевѣ, потомъ въ Москвѣ и Петербургѣ, сколь ни были слабы мои способности предъ его геніальными дарованіями. Врожденная наклонность одного къ другому и долговременное пребываніе, такъ сказать, подъ одною кровлею сблизили насъ тѣсно и положили твердое основаніе взаимной дружбѣ и тому глубокому уваженію, которое всегда я къ нему питалъ въ моей душѣ.

И такъ, отправились мы съ любезнымъ братомъ въ богоспасаемый градъ Кіевъ. Тамъ годъ приготовлялся я къ правильному ученію, и потомъ около трехъ лѣтъ посѣщалъ самые классы, носившіе іезуитскія названія *фары*, *инфимы*, *грамматики*, *синтаксмы* и т. д. Каждый годъ пріѣзжали мы домой на два вакаціонныхъ мѣсяца, іюль и августъ; а въ сентябрѣ всякій разъ матушка провожала насъ опять въ Кіевъ, для устройства нашего спартанскаго хозяйства въ наемной квартирѣ, болѣе же для ежегоднаго поклоненія св. мощамъ Божіихъ угодниковъ.

Отрадно было мнѣ провести вмѣстѣ съ нею нѣсколько лишнихъ дней и въ большомъ городѣ, но за то въ день отъѣзда ея въ деревню сердце мое разрывалось до того, что я около недѣли хожу, бывало, въ жестокомъ горѣ, какъ больной. Нехорошо, право нехорошо слишкомъ рано отдалять дѣтей изъ родительскаго дома: лишеніе наслажденій невинными семейственными удовольствіями изсушаетъ сердце и преждевременно наполняетъ его грустнымъ чувствомъ. Въ отдаленномъ учебномъ заведеніи любовь смотрителей и наставниковъ бываетъ болѣе поддѣльною и раздѣляется между великимъ множествомъ. Ребенокъ, подъ надзоромъ совершенно чуждыхъ ему людей, дѣлаетъ сначала все изъ одного только скрытаго страха, который никогда не превращается въ дѣтскую любовь; юная душа его, которая въ родительскомъ домѣ такъ хорошо привязывалась почтеніемъ къ отцу (дядѣ) и нѣжностію къ матери, тамъ стѣсняется въ неизвѣстномъ ей кругѣ. Вотъ отчего происходитъ равнодушіе и холодное обращеніе, замѣчаемыя почти во всѣхъ дѣтяхъ, кои внѣ своего семейства воспитаны подобно сиротамъ.

Первое путешествіе мое въ Кіевъ, по тогдашнему очень далекое, занимало меня новыми мѣстами, лицами и приключеніями. Чрезвычайно поразилъ меня видъ готической башни (нынѣ потомками уничтоженной) съ пушками на стѣнахъ, сооруженной графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ въ его помѣстьи Ташани, которое своимъ турецкимъ именемъ ясно возвѣщаетъ грозу Османовъ. Отдаленная синева праваго дѣпровскаго берега удовлетворяла моей мечтательности, полагавшей за тѣми горами нѣкоторый новый міръ. Бѣлѣющаяся тамъ же надъ Днѣпромъ въ г. Каневѣ церковь и монастырскія зданія въ Переяславѣ показались мнѣ въ первый разъ гигантскими произведеніями архитектуры въ сравненіи съ нашею деревянною приходскою церковью въ селѣ Крупскомъ. Но что вамъ сказать о томъ таинственномъ ужасѣ, съ которымъ вступилъ я въ густой сосновый боръ, на тридцать верстъ простирающійся подъ самымъ Кіевомъ. Утопающія въ глубокомъ пескѣ лошади, обожженныя молніею сосны, пробирающіеся вдали сквозь чащу лѣса поклонники — все это представляло мнѣ мрачную картину; да и старшіе, но-

мнится, не мало трусили. Мнѣ казалось, что въ каждой песчаной долинѣ мы найдемъ гробъ свой, какъ въ пескахъ Ливійскихъ, и за каждымъ деревомъ стоитъ съ предлиннымъ ножемъ разбойникъ, готовый поразить насъ; а въ то время много было тамъ разбойниковъ, или по крайней мѣрѣ разсказовъ о нихъ, напримѣръ о силачѣ Гаркушѣ, о кровожадномъ Мацапурѣ и проч. Тутъ-то зароились у меня въ памяти всѣ пріятно-ужасныя сказки моей нянюшки Христины; тутъ-то, думалъ я, дѣйствительное поприще всѣхъ пугалищъ дѣтскаго воображенія. Далѣе, во глубинѣ бора, козачья могила, памятникъ какой-то давней битвы малороссійскихъ козаковъ съ вѣковыми недругами—ляхами. Но вотъ и Лысая гора—Олимпъ привилегированныхъ вѣдьмъ, не Шекспировскихъ, а нашихъ доморощенныхъ, малороссійскихъ. Въ таинства этого волшебнаго міра ввела меня моя няня. Отъ нея я узналъ, что вѣдьмы по ночамъ вылетаютъ изъ домовъ черезъ трубу, на метлѣ, и такъ путешествуютъ по воздуху; что иногда рыскаютъ онѣ по улицамъ въ видѣ свиньи, собаки, или катаются клубкомъ, пугая невѣрныхъ; что онѣ торгуютъ чарами и лѣкарствами, какъ напримѣръ вдова Терновая, жившая за рѣкою противъ нашего дома, славная колдунья въ нашемъ околоткѣ; что наканунѣ Иванова дня, на 24 іюня, когда вечеромъ молодые козаки и козачки, по преданію славянской старины, празднуютъ бывало языческаго Купала скаканіемъ черезъ огонь и громкими хорами, около полуночи знаменитѣйшія вѣдьмы слетаются для ежегодныхъ отчетовъ и совѣщаній на Лысую гору, у подошвы коей между тѣмъ въ самую полночь раскрываются огненные всесильные цвѣты папоротника. Все это я зналъ, и могъ ли послѣ того вашъ восьмилѣтій антикварій проѣзжать мимо роковой горы безъ страха и трепета. Вообще переѣздъ черезъ кіевскій боръ для меня былъ живою поэмою ужасныхъ народныхъ слуховъ; а однажды, въ концѣ іюня, большая стая волковъ насъ окружила тамъ, и чуть было не исчезли въ ихъ челюстяхъ кони и всадники.

Житье въ Кіевѣ сначала мнѣ не понравилось. Тамъ изнемогалъ я часто, особенно весною, подъ вреднымъ вліяніемъ сгущенной атмосферы на Подолѣ, нижней части города, осѣняемой

крутою горою, на которой величественно возвышается церковь ап. Андрея Первозваннаго. Не выгоднѣе ли было бы, защитивъ эту низменную часть Кіева отъ днѣпровскихъ водъ высокою набережною и глубокими каналами, дать ей видъ новой Венеціи и открыть для заселенія огромное пространство земли, ровное, изобилующее водою и легкими путями сообщенія, для снабженія города разными жизненными припасами, тѣмъ болѣе, что прочія гористыя части его вовсе лишены такихъ необходимыхъ удобствъ. Но про то лучше старшіе знаютъ. Да, много я пострадалъ тамъ отъ простудныхъ болѣзней; однажды пребольшая желѣза чуть чуть не прекратила было моего дыханія на вѣки. Осенью, а всего болѣе весною, частенько бывало провожаю юныхъ товарищей моихъ на кладбище Щекавицу, коей стародавняго героя, какого-то Щека, вмѣстѣ съ гадательными именами нареченныхъ братьевъ его Кія, Хорива и сестры ихъ Лыбеди, какъ зиждителей Кіева, усердно втискивалъ въ нашу память инокъ—учитель русской исторіи, проглотившій, какъ говорится, все „Ядро“ князя Хилкова и сказанія Татищева, Щербатова и имъ подобныхъ нашихъ ветхихъ историковъ. Молодые студенты сангвиники поражаемы были горячкою, отъ которой не легко избавляла сомнительная помощь академическаго эскулапа. Одинъ изъ нихъ, прекрасный риторъ и поэтъ, жившій по сосѣдству съ нами, въ сильномъ припадкѣ болѣзни, ночью, когда все спало въ его комнатѣ, выскочилъ изъ дома, и по снѣгу (это было въ февралѣ) бросился бѣжать на Днѣпръ и тамъ, по истощеніи силъ, на ледяномъ ложѣ кончилъ свою жизнь. Приключеніе это, вмѣстѣ съ другими случаями слишкомъ ранней кончины знакомыхъ мнѣ учениковъ и студентовъ, чрезвычайно меня смущало. Только *бурсаки* (бѣдныя дѣти духовнаго званія), закаленные нуждами всякаго рода, отличались между нами здоровьемъ и силою, такъ что я смотрѣлъ на бурсу—казенное скудное мѣсто ихъ жилища и пропитанія—какъ на гнѣздо орлиное. Изъ нихъ также набирались отличные пѣвчіе въ церковь академическую и для капеллы митрополита кіевскаго. Еще упомяну о подвигахъ благочестія, казавшихся для дѣтскаго возраста слишкомъ строгими, ежели не преждевременными. Зимою,

въ дни воскресные и праздничные, не взирая ни на какую стужу, я долженъ былъ, вмѣстѣ съ прочими, являться въ церковь Братскаго монастыря, холодную и вымощенную чугунными плитами, и притомъ не только на обѣдню и вечерню, но и къ заутренѣ, начинавшейся часу въ третьемъ по полуночи. Это была сущая эпитимія для моихъ ногъ, которыхъ не могъ я отогрѣвать довольно, даже поднимая подъ шубу поперемѣнно одну за другою, то есть стоя по журавлиному. Впрочемъ наступало теплое время, и я легко забывалъ всѣ обиды зимнія.

Весною, съ апрѣля мѣсяца и такъ далѣе, лучшимъ препровожденіемъ времени для меня было, въ свободные отъ ученія дни, посѣщеніе Лавры и святыхъ пещеръ, гдѣ съ особеннымъ умиленіемъ лобызалъ я руку безсмертнаго Нестора, бросившаго плодотворныя сѣмена въ область отечественной исторіи. Кіево-печерская колокольня, высокая и красивая, коей блистающій крестъ видѣнъ издалека при самомъ вступленіи въ извѣстный сосновый боръ, совершенно изумляла меня. Окружающіе Лавру крѣпостные валы и стоящія на нихъ мѣстами пушки возбуждали въ душѣ моей какой-то горделивый героизмъ. Но верхомъ удовольствія былъ для меня парадъ или разводъ полковой, въ присутствіи военнаго губернатора Беклешова и пресловутаго коменданта Масса, доселѣ живущаго въ памяти кіевлянъ. Не могу выразить того благоговѣнія, съ какимъ я смотрѣлъ особенно на побѣдоносныхъ солдатъ, кажется, Повало-Швейковскаго полка, возвратившихся изъ Италіи въ изорванныхъ мундирахъ, почти дымящихся еще порохомъ и французскою кровью.

Предметами прогулокъ моихъ, вмѣстѣ съ братомъ Василіемъ Ѳ. и нѣсколькими товарищами, бывали дворцовый садъ и Крещатикъ, въ глубокомъ оврагѣ коего и мы освѣжались струями источника, оросившаго нѣкогда сыновей равноапостольнаго Владиміра благодатію св. крещенія. Теперь Крещатикъ уже не тотъ. У подошвы горы, гдѣ бывало мы ловили молодыхъ жаворонковъ, нынѣ возвышаются большія прелестныя зданія, которыя право не послѣднее мѣсто заняли-бы, не только

въ нашемъ красавцѣ Петербургѣ, но и въ любой столицѣ Западной Европы. Конечно, то было время, а нынѣ другое.

Плаваніе по Днѣпру въ дубѣ, большой шлюпкѣ, на отдаленныя острова, въ обществѣ взрослыхъ уже студентовъ, занимало меня самымъ пріятнымъ образомъ. Подробности такого катанья, сборы, личное приготовленіе пищи и маленькія на водѣ опасности воспламеняли мое воображеніе, и я мысленно представлялъ себя, ежели не Колумбомъ, то никакъ не меньше Кука, коего путешествіе вокругъ свѣта было первою книгою, какую прочиталъ я, научившись хорошо читать и разумѣть. Да, странствія сего предпріимчиваго британца по неизвѣстнымъ морямъ и островамъ увлекали все мое дѣтское вниманіе и поселяли во мнѣ мечту—увы!—не исполнившуюся, быть непремѣнно вторымъ Кукомъ, а не то простымъ козакомъ. Почему знать, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ вышелъ бы изъ меня порядочный морякъ, хотя бы сотрудникъ безстрашнаго капитана Казарскаго. Минувшее невозвратимо.

Пойдемте лучше со мною гулять въ Шулявщину, загородный лѣтній домъ кіевскаго митрополита, окруженный оврагами, быть можетъ въ старину съ дремучими лѣсами, въ коихъ наши воинственные Святославы и Ярополки забавлялись подъ часъ звѣриною охотою. Въ дни рекреаціи, отдыха послѣ ученья, весь сонмъ кіевскихъ учителей и учениковъ отправляется, бывало, туда на цѣлый день съ походною провизіею своей, и всѣ въ патріархальной простотѣ, дружески проводили его какъ умѣли веселѣе. Подъ отеческимъ архипастырскимъ призрѣніемъ, все играло, шумѣло, забавлялось и мячемъ, и кеглями, и приличными гимнами; а студенты философіи и богословіи, какъ старшіе и болѣе образованные, иногда тамъ же, при дневномъ свѣтѣ, разыгрываютъ, бывало, какую нибудь комедію или драму.

Въ зимнее время Кіевъ дѣлался тогда очень шумнымъ, по случаю съѣзда польскихъ помѣщиковъ и поссессоровъ на контракты.

Ученье мое шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Въ классахъ и дома я обучался языкамъ латинскому и нѣмецкому,

также ариѳметикѣ и географіи. Мои успѣхи въ послѣдней обращали на меня вниманіе и похвалы не только учителей, но и начальниковъ; таковы были митрополиты Іероѳей и буковинецъ Гавріилъ, бывшій послѣ экзархомъ Бессарабскимъ и Молдавскимъ. Бойко отвѣчалъ я, помнится, и на географическіе вопросы, сдѣланные для примѣра при посѣщеніи академіи какими-то двумя сенаторами, пріѣзжавшими ревизовать губернію. Я подобострастно тогда смотрѣлъ на лица сихъ озаренныхъ премудростію жрецовъ Ѳемиды, а болѣе на звѣзды, нашитыя даже на ихъ медвѣжьихъ шубахъ. Видите, это было зимою, а въ нашихъ классахъ, ежели и топили, то очень не жарко, въ твердомъ упованіи на пламенное стремленіе наше къ просвѣщенію.

Русскому языку научился я отъ моего старшаго брата Василія, который гремѣлъ тогда въ Кіевской академіи, какъ отличный знатокъ его; да и впослѣдствіи, правда, я лучшаго не зналъ. И на берегахъ Днѣпровскихъ начали уже раздаваться славныя имена первостепенныхъ литераторовъ нашихъ: Дмитріева, Карамзина, Кострова, главнѣйше же въ чело ихъ появлялся на горизонтѣ нашего образованія безсмертный Державинъ. Кіевскія музы не могли похвалиться богатствомъ, а потому студенты и ученики съ какою-то истинно поэтическою ревностію переписывали оды и другіе стихи Державина, проникавшіе разными путями на кіевскій Парнасъ. Всѣ спѣшили имѣть ихъ; учили, повторяли ихъ; и съ какимъ упоительнымъ наслажденіемъ слушаю, бывало, когда братъ мой восторженнымъ голосомъ станетъ декламировать изъ *Водопада*:

„Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырема скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ“.

За сорокъ лѣтъ предъ симъ выучилъ я много золотыхъ стиховъ Державина, Дмитріева, и теперь готовъ перечитывать ихъ наизусть; но вы сами можете насладиться благоуханіемъ этихъ неувядаемыхъ цвѣтовъ, хранящихся, вмѣстѣ съ новѣйшими, въ моей маленькой библіотекѣ. Позвольте мнѣ только

оправдаться на счетъ памяти о Костровѣ. Въ числѣ немногихъ книгъ русскихъ и латинскихъ были и поэмы шотландскаго барда Оссіана, переведенныя или, справедливѣе сказать, созданныя въ гомерическомъ вкусѣ Костровымъ; ибо, какъ учители наши утверждали, переводъ лучше самаго оригинала Макферсонова. Превосходное твореніе сіе братъ мой часто съ восторгомъ читывалъ при мнѣ въ Кіевѣ; но что можетъ сравниться съ тѣмъ незабвеннымъ удовольствіемъ, когда, бывало, пріѣзжая домой лѣтомъ, мы удалялись съ нимъ въ нашъ дубовый лѣсъ, и тамъ на высотѣ, подъ тѣнію вѣтвистаго дерева, повторяли гармоническіе звуки Оссіановой арфы. Намъ казалось, что его томный гласъ журчалъ съ зефиромъ въ зеленомъ дернѣ холма, на коемъ мы въ задумчивости возсѣдали. Безподобные отрывки произносились на память, и мы съ братомъ знали наизустъ почти всего Оссіана.

Съ такими чувствованіями и знаніями я перешелъ въ XIX столѣтіе, новый періодъ моей жизни. Закрывая страницы моего дѣтства, скажу только, что въ 1801 году братъ мой Василій, не пожелавшій рѣшительно облечься въ черную ризу анахорета, отправленъ былъ въ Московскій университетъ; а меня перемѣстили поближе къ дому (за 70 верстъ) въ городъ Переяславъ, гдѣ и продолжалъ я ученіе мое, вмѣстѣ съ другими дворянскими дѣтьми, въ классахъ тамошней семинаріи. Кладу руку мою на сердце и чистосердечно исповѣдуюсь, что это перемѣщеніе не послужило мнѣ въ пользу, сколько ни отличался я моими дарованіями между товарищами. Изъ числа ихъ всегда и вездѣ вспоминаю съ живѣйшимъ удовольствіемъ о Бохкаловскомъ, истинномъ моемъ другѣ, о Звенигородскомъ и Дьяконенкѣ. Съ двумя первыми встрѣтился я позже и въ столицѣ, о чемъ разскажу въ свое время. Между старшими видѣлъ я тамъ много примѣровъ излишней преданности Бахусу, а меньшіе вели себя тоже не безъ укоризны, по причинѣ слабаго за ними надзора.

Въ Переяславѣ свѣдѣнія мои развивались болѣе и болѣе. Тамъ читалъ я съ искреннимъ благоговѣніемъ „Письма русскаго путешественника“, Аониды“, „Мои бездѣлки“, „И мои

бездѣлки“ и разныя другія произведенія славнѣйшихъ авторовъ. Постигая уже вполнѣ смыслъ всякой книги, я осмѣливался подражать, или скажу прямѣе—уносить какія нибудь разительныя слова и самые счастливые обороты слога Карамзина или Дмитріева и пересаживалъ ихъ на тощую почву своихъ маленькихъ сочиненій по заданной темѣ. Конечно, мои юныя созданія не разъ являлись въ видѣ баснословной вороны, украсившейся павлиными перьями. Между тѣмъ учитель былъ доволенъ, и часто надписывалъ по нѣсколько строчекъ похвалы, все въ превосходной степени, на моихъ сочиненіяхъ прозаическихъ и стихотворныхъ. Виноватъ, и я когда-то писывалъ стихи, и притомъ, сознаюсь къ вашему и моему ужасу, не только русскіе, но даже латинскіе. Разумѣется, въ область римской поэзіи лазилъ я при помощи gradus ad Parnassum, то есть парнасской лѣстницы, изъ коей однако время и опытность моя выкидали ступени, и я, узнавъ на опытѣ, что „Парнассъ гора высокая, дорога къ ней не гладкая“,—остался у подошвы ея, предпочитая тихое удовольствіе восхищаться цвѣтами, посѣянными рукою вдохновенныхъ любимцевъ Аполлона. Такъ проза сухая на всю жизнь стала моимъ удѣломъ.

Въ 1804 г. разстался я и съ Переяславомъ, и съ живописными холмами нашей Згари. Одинъ изъ старшихъ братьевъ моихъ, Романъ Ѳ. [1]), облеченный уже въ Московскомъ университетѣ саномъ магистра филологіи, глубокій знатокъ греческой и латинской словесности и древней исторіи, пріѣхалъ лѣтомъ того года къ намъ въ деревню, повидаться съ родными, отдохнуть послѣ ученья и трудовъ и взять меня, послѣдняго въ родѣ, для посвященія Московскимъ музамъ. И такъ, на 14 году моего возраста, я опять и на долго оставилъ родительскій домъ, въ которомъ завистливая судьба никакъ не позволяла мнѣ заживаться до сихъ поръ. И словъ не нахожу для точнаго выраженія тягчайшей скорби, съ какою на прощанье въ послѣдній разъ я поцѣловалъ руку матушки, обнялъ сестеръ и по-

[1]) Очеркъ жизни и дѣятельности Романа Ѳеодоровича Тимковскаго помѣщенъ въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета“, томъ II, стр. 486—498.—*Н. Ш.*

клонился достопочтенному дядѣ-благодѣтелю. Съ братомъ Романомъ Ѳ. и съ горемъ пополамъ, пустились мы въ путь далекій. До Нѣжина ѣхали мы на своихъ лошадяхъ, а тамъ наняли русскаго извозчика, который на своей тяжелой тройкѣ, въ рогожаной кибиткѣ, черезъ города Орелъ, Тулу и проч. доставилъ насъ въ Москву 14 сентября, послѣ двухнедѣльнаго пути, какъ говорится, хоть не скоро да здорово.

Около того времени я нашелъ въ университетѣ и моего брата—друга Василія, возвысившагося и тѣломъ, и духомъ. По большей удобности, меня поселили въ комнатахъ брата Романа, который вообще принялъ меня на свое содержаніе. Въ душѣ моей вѣчно хранится благодарность за его пожертвованія на меня.

Недѣли черезъ двѣ по моемъ пріѣздѣ въ Москву, я съ робостью вступилъ въ классы университетской академической гимназіи; но вскорѣ замѣтилъ, что тамошніе ученики, сверстники мои, далеко уступаютъ мнѣ въ знаніи языковъ русскаго, латинскаго и нѣмецкаго, а моими географическими свѣдѣніями я блеснулъ между ними, какъ Сиріусъ между звѣздами. Затѣмъ, совершенствуя себя въ дальнѣйшемъ познаніи означенныхъ предметовъ, приступилъ я къ изученію языковъ греческаго и французскаго, а равно исторіи. О математикѣ не было и въ помине, о чемъ впослѣдствіи я весьма сожалѣлъ.

Учители гимназическіе далеко превосходили образованіемъ своимъ наставниковъ моихъ кіевскихъ; но не могу утаить, что нѣкоторые изъ нихъ были съ большими странностями физическими и моральными, служившими поводомъ къ разнымъ проказамъ на ихъ счетъ школьниковъ, остряковъ и шалуновъ, къ числу коихъ, право, я никогда не принадлежалъ. Забавно бывало смотрѣть, какъ они утромъ залѣпливали мягкимъ хлѣбомъ внутренность замковъ у шкафовъ съ глобусами и картами г. Надерина, учителя географіи и исторіи, и какъ онъ, являясь въ классъ послѣ обѣда, подъ часъ и на веселѣ, трудится и потѣетъ надъ выковыриваніемъ засохшаго хлѣба изъ своихъ замковъ. Около получаса проходило въ семъ хлѣбокопаніи; а ученикамъ того и надобно для сокращенія двухчасоваго урока. Г. Дмитревскій Иванъ Ивановичъ, заржавленный греко-славя-

нинъ, смѣшилъ всякій разъ передъ урокомъ перекличкою учениковъ, фамиліи коихъ онъ произносилъ съ какимъ то своимъ оригинальнымъ удареніемъ, особенно иностранныя. Напримѣръ, Иванъ Ивановичъ взываетъ: Петръ Дѐло (Deleau), Иванъ Дѐло, почему-же не ять—ѣ (то есть Дѣло)?, и по всему классу раздается громкій хохотъ. Однажды смѣльчаки до его прихода нарисовали на черной учебной доскѣ какое-то изображеніе. Является нашъ Иванъ Ивановичъ, крестится по своему обыкновенію въ углу при чтеніи молитвы; но, взглянувъ на доску, съ изступленіемъ кричитъ: „и вы гордые, и вы буяны, пойдемъ сейчасъ къ инспектору!“ И вотъ подъ его предводительствомъ, въ процессіи учениковъ, несутъ огромную доску съ изображеніемъ, черезъ весь университетскій дворъ, въ комнаты инспектора на разбирательство и судъ, къ удивленію всѣхъ зрителей домашнихъ и проходящихъ по улицѣ. Разумѣется, дѣтское единодушіе всегда скрывало виноватаго; а инспекторъ съ гнѣвомъ и бранью прогоняетъ обратно и учителя и учениковъ.— Французской грамматикѣ обучали Лере (L' heureux), настоящій парижанинъ, щеголявшій своимъ почеркомъ и картавымъ произношеніемъ, и Дежанъ—какой-то гасконецъ. Уморительно бывало, когда сей послѣдній, задавши ученикамъ что нибудь твердить или переписывать, самъ между тѣмъ, вѣроятно, въ воспоминаніе прежняго своего ремесла во Франціи, принимается tout bonnement зашивать и подшивать свой ветхій плащъ; или какъ бывало весь классъ синѣетъ, удерживаясь отъ смѣху, когда m—er Дежанъ начинаетъ толковать полурусскимъ языкомъ свойства временъ въ спряженіяхъ глаголовъ французскихъ. Сказавши, напримѣръ, что такое давно-прошедшее время, онъ обращается къ ученикамъ съ вопросомъ: „понимаете-ли?“ Вотъ какой нибудь дерзкій для шутки отвѣчаетъ: „нѣтъ“. Дежанъ вторично, но уже значительно возвыся голосъ повторяетъ тоже самое безтолковое толкованіе; отвѣтъ тотъ-же. Учитель выходитъ изъ себя, и для большаго вразумленія поднимаетъ крикъ свой crescendo до того, что наши молодые уши, утомленные грамматическими воплями, понуждаютъ насъ воскликнуть наконецъ хоромъ: „понимаемъ, понимаемъ!“ И m—er Дежанъ съ самодо-

вольнымъ видомъ продолжаетъ преподаваніе урока. Таковы-то были, конечно, не всѣ мои древніе учители. И не взирая на то, при помощи моихъ счастливыхъ природныхъ способностей, я оказывалъ большіе успѣхи и стяжалъ громкія хвалы гимназическихъ учителей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ЕГОРА ѲЕДОРОВИЧА ТИМКОВСКАГО.

(*Окончаніе*)[1]).

Искусства изящныя, не знаю почему, остались для меня неразгаданною тайною, къ живѣйшему моему сожалѣнію. Поэтомъ я не родился: это уже рѣшено, для чего же не учили меня живописи, обильнѣйшему источнику прочныхъ наслажденій?— За какіе грѣхи первую ноту на скрипкѣ я долженъ былъ вытягивать подъ вліяніемъ тяжелаго смычка нашего учителя— Баранова, съ огромной бородавкой на лѣвомъ вискѣ, въ досадѣ иногда бившаго тактъ даже по моимъ нѣжнымъ пальцамъ, и своимъ готическимъ вкусомъ удалившаго меня на всегда изъ высокаго міра сладкой мелодіи. Слухъ мой былъ не совсѣмъ азіатскій, то-есть козлогласный; я любилъ и понималъ гармонію; украдкою пробирался въ высшій музыкальный классъ послушать учителя Рачинскаго, славившагося тогда въ Москвѣ своею игрою на скрипкѣ, и разыгривавшаго русскія пѣсни съ неподражаемымъ, упоительнымъ искусствомъ. Восхищался я часто и смычкомъ его ученика въ университетской гимназіи Рахманова, который, какъ Орфей, двигалъ сердцами всѣхъ, и товарищей и учителей, такъ что сіи за его плѣнительную игру охотно все ему прощали. По субботамъ, вечеромъ, съ истиннымъ удовольствіемъ я присутствовалъ бывало и на квартетахъ старшихъ учениковъ или студентовъ.

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1894 г. № 3.

На такихъ же вечерахъ, зимою о святкахъ, играемъ бывало въ фанты, или представляемъ тѣнями Мельника и другія оперы и комедіи; ибо ученикамъ не позволяли ходить въ театръ. Къ танцамъ я не чувствовалъ въ себѣ врожденной охоты; не имѣя же сначала въ Москвѣ знакомства съ семейными домами, я не могъ видѣть тому примѣра. Нашъ танцмейстеръ Морелли, старинный служитель московской Терпсихоры, подъ свинцовою тяжестію шестидесяти или болѣе лѣтъ, очень медленно таскаетъ, бывало, хрупкія свои ноги и томитъ юношескій духъ всего болѣе павлиными менуетами. Такой учитель погашалъ самую пылкую страсть къ танцамъ, а подъ конецъ сдѣлался игрушкою болѣе смѣлыхъ учениковъ и студентовъ, которые въ быстромъ вальсѣ, какъ нѣкія вакханки не разъ хоромъ восклицали подъ тактъ музыки „а у Морелли ноги подгорѣли!“—Съ большимъ удовольствіемъ я заглядывалъ въ классъ фехтовальный, чтобы посмотрѣть на единоборство старшихъ студентовъ, подвизавшихся храбро съ тупыми рапирами и эспадронами по наставленію г. Севенара, бывшаго, можетъ быть, до революціи французской, гренадеромъ въ королевской гвардіи, высокаго, дороднаго, съ черными густыми бровями и большими глазами. Величественная и вмѣстѣ воинственная фигура его, когда бывало онъ выпадетъ съ эспадрономъ въ рукѣ въ позицію на противника, воскрешала въ памяти моей какого нибудь маршала Тюрреня, Конде и т. п.

На другой годъ по моемъ вступленіи въ университетъ, праздновали юбилей, то-есть 50 лѣтъ его существованія. Торжество великолѣпное, при многолюдномъ стеченіи знаменитостей московскихъ, украшенное стройными хорами Данилы Кашина, кои превосходно пѣли университетскіе пѣвчіе съ аккомпанировкою прекрасной музыки графа Ал. Кир. Разумовскаго,—все это восхитило меня до небесъ.

Потомъ еще черезъ годъ, то-есть въ 1806 г. послѣ строгаго экзамена, я произведенъ въ дѣйствительные студенты университета.

Взгляните на этого 16-лѣтняго юношу въ день университетскаго годичнаго собранія. Съ какимъ радостнымъ трепе-

томъ принимаетъ онъ изъ рукъ своего ученаго начальника маленькую шпагу. Онъ уже *офицеръ*—важный человѣкъ въ нашей географической долготѣ и широтѣ. Онъ близокъ къ совершенолѣтію, и какъ сильно бьется его сердце, какой румянецъ играетъ на его полныхъ щекахъ. Словомъ сказать: это молодой студентъ!—Онъ во цвѣтѣ лѣтъ, во цвѣтѣ радостей и надеждъ своихъ. Многочисленное стеченіе особъ всякаго званія и чина, всякаго возраста и пола, въ ту незабвенную минуту поражаетъ его своимъ разнообразіемъ, оглушаетъ веселымъ говоромъ, ослѣпляетъ радужнымъ блескомъ. Море житейское разстилается передъ глазами молодого человѣка. Онъ стоитъ въ мирной пристани наукъ; на все взираетъ сквозь свѣтлую призму добродушной неопытности, и только готовится еще запастись всѣми потребностями къ предстоящему плаванію по морю, которое такъ часто воздымается напастей бурею.—О, юноша!—Помедли въ сей блаженной храминѣ, подъ крыломъ твоихъ добрыхъ наставниковъ, въ тѣсномъ кругѣ твоихъ товарищей—друзей. Но твоя душа сгораетъ нетерпѣніемъ; любопытство подстрекаетъ тебя скорѣе вкусить изъ тяжелой чаши свѣтскихъ наслажденій и скорбей. И такъ, собирайся въ путь, предназначенный для тебя въ неисповѣдимыхъ судьбахъ провидѣнія. Исполненный такихъ чувствованій, я началъ посѣщать университетскія лекціи профессоровъ, русскихъ и нѣмцевъ, людей съ глубокою ученостію. По преданію, или по какой-то симпатіи, были между ними наставники—наши любимцы, которыхъ мы почти боготворили, не менѣе стародавнихъ учениковъ блистательнаго Платона, достойнаго ученика Сократова, или геніальнаго, свѣтскаго Аристотеля, законодателя всѣхъ наукъ, коего произведенія, основанныя на опытности, составляли нѣкогда единственное чтеніе царей.—Къ другимъ (Богъ да проститъ имъ и намъ) являлись мы въ классы по долгу ученической исправности, для исполненія предписаннаго начальствомъ годичнаго учебнаго курса. И могъ ли молодой студентъ охотно вступить въ храмъ философіи, когда какой нибудь N N, отворявшій двери онаго дрожащею рукою, въ треволненномъ изъясненіи своего предмета, не такъ то близко ему знакомаго, опрокинулся со стуломъ

на полъ съ высокой каѳедры, при язвительной улыбкѣ слушателей. Къ сугубому уничиженію, на другой день, на той же каѳедрѣ, къ свѣдѣнію самого г. преподавателя, явилась довольно пошлая эпиграмма въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

„Профессоръ NNN философъ между нами;
Чтобъ это доказать, стоялъ здѣсь вверхъ ногами".

Съ другой стороны, въ челѣ наставниковъ первой категоріи, я доселѣ съ признательностью почитаю профессора физики П. И. Страхова, получившаго превосходное образованіе въ заграничныхъ университетахъ и особенно въ Парижѣ, потомъ профессора русской словесности А. Ф. Мерзлякова, любимаго поэта тѣхъ временъ, а равно профессора латинской и греческой словесности П. А. Сохацкаго. Къ нимъ, по всѣмъ правамъ, долженъ быть причисленъ профессоръ статистики И. А. Геймъ, читавшій лекціи свои хотя и неправильнымъ русскимъ языкомъ, какъ иностранецъ, но всегда умно и привлекательно. Между Нѣмцами я уважалъ болѣе всѣхъ ученаго и отмѣнно добраго профессора практической или нравственной философіи Рейнгарда и Буле, профессора логики и метафизики, исторіи, философіи и проч.

Не берусь произнести оцѣнку моимъ наставникамъ въ частности. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою мѣру знаній, свои достоинства и заслуги; но съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ очевидно отражался духъ келіи и лампады, какъ на языкѣ, такъ на одеждѣ и самомъ образѣ жизни. При томъ, къ сожалѣнію, не всѣ изъ нихъ обладали даромъ слова—необходимымъ условіемъ для хорошаго преподавателя публичныхъ уроковъ. Профессоръ, по моему мнѣнію, непремѣнно долженъ быть основательно ученый, благообразный, скромный и краснорѣчивый ораторъ, даже нѣсколько свѣтскій человѣкъ, какъ напримѣръ, блаженной памяти Страховъ, Шлецеръ (сынъ знаменитаго историка), и даже мой незабвенный Рейнгардъ, бывшій прежде, какъ говорятъ, пасторомъ въ Ростокѣ,—мудрецъ, который привлекалъ пламенною бесѣдою своей, украшалъ прелестными очарованіями всѣ правила нравственности, и которому внимая, въ восторгѣ не разъ готовъ я былъ сказать, подобно древнему Эс-

хину: „Сократъ, я бѣденъ, отдаю тебѣ себя; вотъ все, что я могу принесть тебѣ!“

Долженъ я однако сознаться, что уроки нашихъ почтенныхъ наставниковъ могли бы принести гораздо обильнѣйшіе и лучшіе плоды, если бы они принимали на себя трудъ лично, или черезъ репетиторовъ, отъ времени до времени заглядывать въ духовную сокровищницу своихъ молодыхъ слушателей и такимъ образомъ повѣрять ихъ успѣхи, степень ихъ прочнаго обогащенія нужными познаніями, или же отвращать какую либо пагубную растрату талантовъ, ниспосланныхъ имъ отъ Бога и раскрытыхъ благонамѣренными учителями. Согласитесь, любезные слушатели или читатели, что какой нибудь 16-лѣтній студентъ, не всякій, и конечно уже не всегда, можетъ охотно съ постояннымъ вниманіемъ углубляться въ темный кладезь премудрости, или съ напряженною бодростію преходить довольно сухсе и тернистое поле, особливо въ началѣ, наукъ философскаго, политическаго или математическаго отдѣленія. Ежели на высокомъ поприщѣ государственнаго служенія, гдѣ обыкновенно дѣйствуютъ люди взрослые, постигающіе вполнѣ долгъ патріотизма, и обезпеченные въ своемъ даже изобильномъ содержаніи, ежели и тамъ введены мѣры надзора и побужденія вещественнаго, то, ради Бога, преслѣдуйте бдительнымъ окомъ учебныя занятія и самую жизнь юноши, еще не твердо стоящаго на пути благоразумія, легко ослабѣвающаго подъ тягостію ученія и тѣмъ скорѣе увлекаемаго живостію чувствъ въ мрачную сферу разсѣянности.

Къ означеннымъ неудобствамъ нерѣдко присоединялось и развлеченіе, производимое въ студентахъ свѣтскими посѣтителями, и особенно прекрасными посѣтительницами нѣкоторыхъ лекцій, какъ напримѣръ—опытной физики, русской словесности и проч. Бывало (что грѣха таить, ужъ лучше признаться) самъ не знаешь, смотрѣть ли на искусственный огонь, извлекаемый Страховымъ изъ электрической машины, или защищаться отъ искръ, разсылаемыхъ дѣвическими глазами, и хотя мимолетомъ западающихъ преждевременно въ студенческое сердце, все же молодое, нѣжное. Нехороша, очень нехороша была эта мода

занятая изъ Парижа, подобно другимъ такимъ-же, нашими неразсчетливыми подражателями. Сами профессоры стѣснялись такою модою. Для угожденія дамамъ, они, по учтивости, должны были выбирать изъ преподаваемой науки предметы, доступные ихъ хорошенькимъ головкамъ, предметы легкіе, забавные. Но какъ любопытныя дщери прародительницы нашей Евы не утерпѣли, чтобъ не заглянуть и въ область медицины, то Ф. Г. Политковскій, одинъ изъ лучшихъ медиковъ, учившійся въ Германіи, Франціи и Англіи, соскучившись такимъ модным ограниченіемъ, для устраненія его, однажды, при своихъ милыхъ посѣтительницахъ, началъ говорить прямо, хотя и съ нѣкоторою пощадою, о дѣйствіи лѣкарствъ на очищеніе желудка *naturalia non sunt absurda.*—Съ тѣхъ поръ модницы не заглядывали болѣе въ классъ слишкомъ откровеннаго профессора.

Около того-же времени долженъ былъ я разстаться, на нѣсколько лѣтъ, съ братомъ моимъ Романомъ Ѳ. По избранію попечителя университета М. Н. Муравьева, онъ отправленъ былъ въ 1806 г., на казенномъ иждивеніи, въ германскіе университеты для усовершенствованія себя въ познаніи древней словесности и проч. Изученіемъ сихъ важныхъ предметовъ онъ занимался главнѣйше въ Геттингенскомъ университетѣ, у главнаго филолога Гейне, и послѣ былъ въ Москвѣ отличнымъ по сей части профессоромъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, и старшій мой братъ и другъ Василій Ѳ. оставилъ университетъ и опредѣлился въ С.-Петербургѣ на службу въ канцелярію Государственнаго Совѣта, пользуясь особеннымъ вниманіемъ члена онаго, адмирала М. С. Мордвинова. А я, въ безвременномъ одиночествѣ, пустился вдоль студенческой рѣки, сопровождаемый юношеской неопытностію и рождающимися страстями.

Наставники наши должны бы неусыпно заботиться о гармоническомъ образованіи чувства въ юношѣ и о борьбѣ страстей съ нравственнымъ чувствомъ, а потому, если въ такой борьбѣ свободная душа не падетъ и сердце въ ней только возвысится,—о! какое тогда было бы торжество для всѣхъ участвовавшихъ въ прекрасномъ дѣлѣ воспитанія. Они обязаны, непремѣнно обязаны приготовлять для отечества совершенно об-

разованныхъ молодыхъ людей, въ которыхъ душа и нравъ, познанія и практическая дѣятельность были бы въ совершенномъ согласіи.

Не взирая на разныя лишенія и самыя неудобства, мое университетское ученіе шло общимъ путемъ. И тутъ природныя дарованія выкупали то, что теряла безпечность; и тутъ я удостоился получить серебряную медаль за мою дисертацію—разсужденіе на латинскомъ языкѣ на задачу изъ уголовнаго права. Золотая досталась въ награду отличному лифляндцу В. Шнейдеру. Конечно, и тогда было немало счастливыхъ исключеній изъ вышесказаннаго; а нынѣ, спустя слишкомъ тридцать лѣтъ, все это дѣлается, какъ слышно, иначе и лучше. Но я съ давняго времени привыкъ говорить громко, откровенно; а потому и буду пересказывать вамъ повѣсть моего бытія по сущей истинѣ.

Патріархальная простота господствовала тогда въ университетѣ, особливо между студентами казенными, то есть получающими жалованье и живущими въ университетскомъ зданіи. Многіе изъ нихъ остались вѣрными ей и на высшихъ степеняхъ государственной службы, такъ что на нѣкоторыхъ можно бы смѣло указать: вотъ студентъ въ чинѣ статскаго и даже тайнаго совѣтника! Впрочемъ, по моему, хорошій исполнитель должности важнѣе счастливаго путешественника *по табели о рангахъ*.—О вольноприходящихъ, или своекоштныхъ товарищахъ моихъ ничего не могу сказать; ибо они отдѣлены были отъ насъ—казенныхъ, какъ говорится, и временемъ и пространствомъ. Каждый изъ нихъ являлъ собою отпечатокъ состоянія и образа жизни въ его семействѣ.—Тѣмъ большее различіе примѣтно было между дѣйствительными студентами и горделивыми претендентами на чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника, которыхъ принудили Указомъ, для выдержанія экзамена на тѣ чины, посѣщать университетскія лекціи. Справедливая пеня на русскихъ, слишкомъ равнодушныхъ къ огромнымъ пожертвованіямъ правительства на учебныя заведенія, повсюду открытыя для безмезднаго просвѣщенія всѣхъ и каждаго.

Всякое обученіе требуетъ отдыха и разнообразія. Пріятнѣйшимъ для меня занятіемъ въ часы досуга было чтеніе

книгъ, разумѣется, не глубоко и не тяжело ученыхъ. Путешествія болѣе всего занимали меня. Мысли мои преимущественно стремились въ страны южныя, гористыя, на грозный Кавказъ, въ миловидный Крымъ; мечталъ я часто и о Швейцаріи. Сѣверъ всегда отталкивалъ меня холодомъ, сжимая и самыя крылья воображенія. До романовъ я никогда не былъ охотникъ и болѣе по наслышкѣ зналъ любимцевъ того вѣка: водянистаго Дюкредюминиля, страшную Радклифъ, паркетную Жанли, щеголеватую Коттенъ и проч. Въ области романтизма я отдавалъ пальму (первенства?) писателямъ нѣмецкимъ, какому нибудь Августу Лафонтену, Шпису и т. д., при чемъ скорѣе плѣняли меня разсказы или явленія временъ германскаго рыцарства. И теперь съ удовольствіемъ вспоминаю о тѣхъ блаженныхъ минутахъ, когда юное воображеніе мое, настроенное подобнымъ чтеніемъ, быстро улетало на живописные берега Рейна и носилось надъ развалинами рыцарскихъ замковъ, доселѣ привлекающихъ къ себѣ толпы счастливцевъ-путешественниковъ.

Чтеніе біографій также нравилось мнѣ. Но всего пріятнѣе, всего занимательнѣе для меня были драматическія творенія. Пристрастіе это усиливалось и моимъ участіемъ въ представленіи на комнатномъ университетскомъ театрѣ разныхъ піесъ, на Рождественскихъ святкахъ и объ масляницѣ. Комедіи и драмы А. Коцебу составляли главную часть нашего репертуара. По отзыву товарищей и знакомыхъ, я съ успѣхомъ разыгрывалъ роли молодыхъ чувствительныхъ людей..... Нельзя однако одобрить этой забавы, вѣроятно, перенятой также отъ французовъ. Ею, конечно, пріобрѣтается нѣкоторая ловкость въ обращеніи и средство быть пріятнымъ въ обществѣ симъ талантомъ; но съ другой стороны, она угрожаетъ юношѣ опаспостію, могущею произойти отъ рукоплесканій, ласкательства и чрезмѣрной похвалы. Притомъ она много развлекаетъ обучающихся юношей затверженіемъ ролей, репетиціями и проч. И зачѣмъ такъ рано знакомить пылкую молодость словами и дѣйствіями съ разными страстями и соблазнами свѣта—этой скользкой неизбѣжной сцены жизни и дѣйствій человѣческихъ!

Посѣщеніе публичнаго театра, разумѣется, дѣлалось съ возрастомъ моимъ самою искусительною приманкою. Искушеніе это было тѣмъ сильнѣе, что московскій театръ, по уничтоженіи пожаромъ Петровскаго, расположенъ былъ въ домѣ Пашкова, на Никитской улицѣ, близъ университета, скажу болѣе—противъ самыхъ окошекъ моей комнаты, такъ что нерѣдко отражался въ стѣнахъ ея искусственный громъ изъ драматической атмосферы, и канифольная (colophane) молнія сверкаетъ, бывало, по моимъ тетрадямъ.

Не могу безъ умиленія вспомнить о сладкихъ часахъ того упоенія, въ которое приводила меня игра хорошихъ актеровъ. На Московской сценѣ отличались тогда: престарѣлый Померанцевъ, какъ увѣряли, портретъ славнаго Парижскаго актера Моле, Плавильщиковъ, Зловъ, Мочаловъ, а равно искусный комикъ Сила Сандуновъ, жена его г-жа Сандунова, плѣнявшая всѣхъ своимъ очаровательнымъ пѣніемъ, подобно какъ восхищала игрою актриса Воробьева и проч. Бывало, послѣ спектакля, удачно разыграннаго, съ хорошими декораціями, я долго чувствовалъ въ душѣ тоску, сгоплявшую и самый сонъ съ очей моихъ.

Все это очарованіе затмилось однако на нѣкоторое время передъ игрою Петербургскихъ актеровъ, присланныхъ въ Москву для забавы бояръ, кажется 1806 года, когда собиралась первая милиція—простонародное ополченіе наше противъ грознаго, всесокрушающаго Наполеона. Яковлевъ и Семенова—трагическая, Самойловъ и Семенова—оперная красавица: что это за таланты были, что это за восхитительная игра и сладкое пѣніе!—Мой восторгъ не уступалъ истинному восхищенію всей публики. Люди нашего состоянія, имѣющіе право на входъ въ скромный партеръ, стекаются, бывало, въ преддверіе театра заблаговременно, то-есть часа въ три по полудни, чтобы занять выгодный постъ поближе къ кассѣ, и хотя съ такимъ пожертвованіемъ своихъ ногъ и боковъ достать билетъ для входа въ театръ, съ мѣстомъ для сидѣнья. Но чтоже?—Часу въ 6-мъ вступаешь, наконецъ, въ партеръ, и всѣ скамейки заняты уже счастливцами, кои по протекціи (вездѣ-то нужна протекція...) кассира или

театральныхъ лакеевъ, какими то секретными путями проникли туда прежде меня. Вообразите послѣ того студенческій героизмъ: съ 3 часовъ до 10 или 11-ти простоять на ногахъ и въ такой тѣснотѣ, что повернуться нельзя. Превосходное исполненіе роли какого нибудь Рослава, Димитрія Донскаго, Отелло, Фингала, или Ромео и Юліи уносило душу въ радужный міръ фантазіи слишкомъ высоко, гдѣ боль тѣлесная забыта. Воля ваша, а сами римляне едва-ли жертвовали собою до такой степени, приходя тысячами въ свои великолѣпные амфитеатры наслаждаться кровавымъ зрѣлищемъ смертельнаго боя гладіаторовъ, или тигровъ и львовъ, конечно, не знавшихъ еще тогда укротительныхъ взглядовъ ни Фанамбурга, ни Картнера. Право, не вездѣ Мельпомена и Талія почтены были такими усердными жертвами, какъ наши. Всякій студентъ несъ въ театръ послѣдній рубль, да и тотъ нерѣдко занятый у товарища.

Тогдаже любовался я въ Москвѣ искусствомъ и французскихъ актеровъ оперныхъ—Меза, г-жи Филисъ—Андрьё и ея мужа, дѣв. Бертенъ и проч.; удивлялся легкокрылому Дюпору, лучше котораго въ балетахъ я нигдѣ не видалъ. Но болѣе всѣхъ поразила меня своею высокою игрою и великолѣпнымъ, вѣрно-историческимъ костюмомъ знаменитая жрица Мельпомены, прелестная *мамзель Жоржъ*.

Говоря о талантахъ, немогу умолчать, что я любилъ въ молодости слушать и хорошихъ церковныхъ пѣвчихъ. Университетскіе пѣвчіе, подъ руководствомъ своего регента (актера Муромцова), привлекали въ нашу церковь весь beau-monde московскій, но домашнее всегда кажется обыкновеннымъ. И вотъ, по убѣжденію моихъ болѣе дружныхъ товарищей, я въ видѣ пилигрима, охотно и часто, посѣщалъ въ воскресные дни тѣ церкви, въ которыхъ пѣли извѣстные пѣвчіе. Въ то время отличались хоры графа Ал. Кир. Разумовскаго, Бекетова и князя Голицына; въ обоихъ послѣднихъ, для нѣжнаго пѣнія, т. е. дишканты и альты, помѣщались дѣвушки съ прекрасными голосами, разумѣется, одѣтыя въ мужское платье. Поэтому, церковь Голицынской больницы, отстоявшая отъ университета верстъ за 5, была любимою цѣлью моихъ дальнихъ странство-

ваній. Превосходна архитектура ея!. Внутри большая ротонда съ колоннами *стюке* подъ розовый мраморъ, съ огромнымъ темнымъ сводомъ, въ который проникалъ особый свѣтъ сквозь небольшія окна, устроенныя подъ самимъ верхнимъ крестомъ, немерцающимъ источникомъ свѣта духовнаго. Этотъ сумракъ, непозволяющій глазамъ разбѣгаться; эта тишина богослуженія сопутствуемая изрѣдка только вздохами недужныхъ, помѣщавшихся на боковыхъ галлереяхъ; это стройное пѣніе, раздающееся на хорахъ подъ акустическимъ сводомъ и ниспадающее свыше, вмѣстѣ съ немногими солнечными лучами,—все это наполняло юную душу мою умиленіемъ глубокимъ, томнымъ. По окончаніи обѣдни, я возвращался домой въ задумчивости и какъ бы неохотно. О, какъ бы я дорого заплатилъ, еслибы въ то время жила въ Москвѣ моя мать, или сестра, или другая родственница! Въ ихъ родномъ сердцѣ, можетъ быть, я находилъ бы вѣрный отголосокъ и надежную опору моимъ добрымъ наклонностямъ, и тѣмъ сдѣлался бы разсудительнѣе, счастливѣе.

Съ воспоминаніемъ о пѣвчихъ разскажу вамъ два случая въ Москвѣ, къ нимъ относящіеся.

1) Бекетовскій хоръ пѣлъ обыкновенно въ церкви св. Димитрія Солунскаго, близъ Тверскаго бульвара. Въ немъ отличалась какая-то дѣвушка Анисья (не пригожая впрочемъ) своимъ прелестнымъ голосомъ и методою пѣнія, почти театральною. Вотъ поютъ, кажется, „Достойно есть“, и подъ конецъ Анисья своимъ solo и въ хорѣ, а болѣе своими руладами такъ поразила благочестивыхъ и свѣтскихъ слушателей, что одинъ изъ сихъ послѣднихъ, нѣкто князь Визапуръ, выкрещенный индѣецъ, *левъ* того времени, захлопалъ въ ладоши въ какомъ-то неистовомъ восторгѣ. Такой соблазнъ былъ слишкомъ гласенъ и дерзокъ; по требованію извѣстнаго Московскаго Митрополита Платона, г. Бекетовъ принужденъ былъ немедленно отослать своихъ пѣвчихъ въ деревню.

2) Спустя однако года два или три они какъ-то появились опять въ Москвѣ, и стали пѣть въ старой церкви Вознесенія у Никитскихъ воротъ. Разумѣется, я не отставалъ отъ своихъ товарищей, ревностныхъ dilletanti, и приходилъ въ ту церковь

какъ можно раньше, чтобы не пропустить ничего изъ ангельскаго пѣнія. Заслушавшись подобно Карамзинскому монаху, сто лѣтъ непримѣтно внимавшему голосу райской птицы, я вовсе не обращалъ вниманія на входящихъ въ церковь. Вдругъ отдается на хребтѣ моемъ препорядочный толчекъ книгою, сопровождаемый гробовымъ голосомъ: „посторонитесь, батюшка, нѣтъ мѣста мнѣ поклоны бить“. Оборачиваюсь, и вижу, кого бы вы думали?—Вдову нашего достославнаго Суворова, ветхую, слабую старушку съ молитвенникомъ въ рукахъ и креслами за нею. Относительно дамъ я всегда держался системы миролюбія; а потому тотчасъ потѣснилъ стоявшихъ около меня, и почтительно открылъ просторъ для той, которой рука нѣкогда лелеяла великаго героя.

Лѣтомъ часто посѣщалъ я московскія окрестности, истинно живописныя: Воробьевы горы, р. Сѣтунь, Симоновъ монастырь, село Коломенское (Россійскій Виѳлеемъ) и все это пѣшкомъ. Оно, знаете, и экономно и независимо. Тогда и пѣшеходствіе въ Новый Іерусалимъ, или Воскресенскъ, за 46 верстъ отъ Москвы, не казалось далекимъ. Впрочемъ иногда разъѣзжалъ я по достопамятнѣйшимъ селеніямъ и въ экипажѣ, вмѣстѣ съ братомъ В. Ѳ. до отъѣзда его въ Петербургъ, или съ кѣмъ нибудь изъ общихъ нашихъ знакомыхъ, людей достаточныхъ [1]) Такъ мы не разъ бывали въ Останкинѣ, Свирловѣ, Кунцовѣ, Царицынѣ и проч. Въ с. Архангельскомъ особенно любовался я живописными видами и террасою, на которой стояли мраморные бюсты римскихъ императоровъ, отличной италіанской работы. Вообще московскія окрестности для меня незабвенны, по ихъ пріятному мѣстоположенію, а болѣе по связи съ ними моей молодости. Съ наслажденіемъ воспоминаю также о поѣздкѣ моей верстъ за 30 отъ столицы на главный московскій курганъ, по коломенской дорогѣ, у Боровскаго перевоза черезъ р. Москву, на правомъ ея крутомъ берегу. Никто

[1]) Глубокою признательностію запечатлѣно въ душѣ моей воспоминаніе о благосклонности ко мнѣ московскихъ благородныхъ семействъ: Аѳросимовыхъ, В. С. Филимонова, А. П. Коробьина, П. М. Пичугина, П. А. Новосильцова, добрѣйшаго вельможи Ивана Петровича Архарова и проч.

не знаетъ, по какому случаю и когда насыпанъ сей холмъ. На самой вершинѣ, какъ увѣряютъ, была нѣкогда церковь; въ день Троицынъ, посвященный памяти почившихъ, стекается на курганъ множество окрестныхъ жителей и проводитъ время въ ликованіяхъ. Съ братомъ моимъ В. Ѳ. и Ф. Я. Ваксмутомъ, отличнымъ артиллерійскимъ офицеромъ, въ простой телѣжкѣ на лихой ямской тройкѣ, однажды мы отправились туда въ прекрасную лѣтнюю ночь. Луна во всей полнотѣ сіяла на чистомъ небѣ. Мы взобрались на высокій курганъ, и оттуда любовались величественными, необыкновенными, фантастическими видами. Передъ нами за рѣкою, на большомъ пространствѣ стояли кучи бѣлаго мячковскаго камня, употребляемаго въ Москвѣ на постройки. Эти насыпи, высокія и низкія, представляли изображеніе, самое естественное, развалинъ обширнаго города какого нибудь Вавилона, какой нибудь Пальмиры. Въ поэтическомъ восторгѣ мы прочитали наизусть хорошіе стихи Мерзлякова, написанные въ честь этого кургана [1]), огромной могилы древнихъ нашихъ витязей, павшихъ тутъ въ жаркой битвѣ съ татарами; въ память ихъ выпили по рюмкѣ мадеры, закусили по походному и, съ отрадою на сердцѣ и утомленіемъ въ тѣлѣ, возвратились въ Москву, какъ рыцари скитальческаго, и частію сантиментальнаго образа.

Такія и выше упомянутыя забавы, впрочемъ совершенно невинныя, требовали денегъ и денегъ; а гдѣ ихъ взять бѣдному студенту? Жалованья получалъ я сначала 150 руб. асс. въ годъ; едва доставало его на самую умѣренную пищу и простую одежду. Университетскіе студенты, получавшіе казенное содержаніе, взыскивали средство подкрѣплять свой скудный бытъ то переводами иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, то преподаваніемъ уроковъ на сторонѣ дворянскимъ дѣтямъ обоего пола.

Первый источникъ доходовъ, конечно, былъ-бы сугубо полезенъ, какъ переводчику, такъ и публикѣ, если-бы, какъ то и и слѣдовало, учепымъ трудомъ сего рода руководствовалъ опыт-

[1]) Минувшіе съ тѣхъ поръ 35 лѣтъ унесли изъ моей головы много стиховъ, истинно поэтическихъ. Помнится однако, что эта побѣдная пѣснь начиналась такъ: „Остановися Россъ!—Се путь къ побѣдамъ славѣ....“

ный знатокъ этого дѣла. Но вотъ бѣда! Нерѣдко случалось тогда (не знаю, какъ теперь), что переводчикъ, не понимая хорошенько самого содержанія оригинала, не будучи довольно силенъ въ языкахъ, иностранномъ и отечественномъ, кое какъ клеилъ свое созданіе, неутомимо путешествуя и простыми и вооруженными глазами (въ очкахъ) по лексикону нѣмецкому—Академическому, или французскому Татищева. Сами посудите, что это за произведенія были, пестрыя, уродливыя, часто непонятныя! За то, какимъ же и воздаяніемъ вѣнчался подобный трудъ!—Студентъ—бѣднякъ (достаточный, разумѣется, и не думалъ о такихъ поблекшихъ лаврахъ), переведшій по своей волѣ, а не по заказу, какую нибудь книжку, положимъ романъ, переписавши его чистенько, отправляется, бывало, робкими стопами въ лавку, напримѣръ, значительнѣйшаго въ то время московскаго книгопродавца Матвѣя Глазунова. Вотъ, брадатый книжникъ, съ улыбкою фарисейскою, воздымаетъ на широкой своей длани принесенную рукопись и такимъ образомъ, не читавши ее, а по вѣсу бумаги, рѣшаетъ участь ея, опредѣляя тутъ же и послѣднюю цѣну, которая бывала такъ скудна, что за печатный листъ приходилось переводчику рубля 3 или 4 ассигнац.—Лучшіе же переводчики, возбудившіе уже корыстное вниманіе книгопродавцевъ, получали за свой трудъ по 6 и 7 рублей съ оригинальнаго листа.

Переводчикъ второй руки, недовольный слишкомъ унизительною цѣною книгопродавца, поднимается, бывало, на другой оборотъ. Вставши раненько и одѣвшись почище, иногда и въ чужой фракъ, онъ спѣшитъ въ чертоги какого либо вельможи, богатаго и щедраго, каковыхъ всегда въ Москвѣ было много (Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ! Грибоѣдовъ, *Горе отъ ума*), и съ посвятительнымъ письмомъ и низкимъ поклономъ повергаетъ свой переводъ на великодушное воззрѣніе. Сотня рублей была для него лестною наградою, Нѣкоторые изъ вельможъ, въ удовлетвореніе барской спеси, принимали на свой счетъ и напечатаніе такого недозрѣлаго творенія. Любимѣйшимъ меценатомъ былъ тогда въ Москвѣ графъ Сергій Мих.

Каменскій, извѣстный орловскій помѣщикъ, хотя не всегда щедро, но непремѣнно принимайшій всякое сего рода приношеніе.

Искренно скажу вамъ, что я никогда не принадлежалъ къ жалкой когортѣ сихъ юныхъ литературныхъ промышленниковъ. Правда, по приглашенію книгопродавцевъ, и я сдѣлалъ нѣсколько переводовъ съ нѣмецкаго и французскаго; но—лучше объ нихъ и не вспоминать, тѣмъ болѣе, что мое имя на нихъ не означено. Напротивъ, я думалъ въ то время, а теперь въ совершенномъ убѣжденіи многими опытами произнесу рѣшительно, что такіе переводы, составляя нѣкоторымъ образомъ работу механическую, нисколько или очень мало развивали умственныя способности молодыхъ людей, ею занимавшихся. Отъ этого, изъ моихъ товарищей вышло очень мало настоящихъ сочинителей, людей съ творческой силою. Даже изъ старшихъ студентовъ, помнится, одинъ Захаръ Алексѣевичъ Буринскій, вынесенъ былъ своимъ истинно поэтическимъ талантомъ изъ ряда обыкновенныхъ, дюжинныхъ писакъ; жаль только, что заблужденіе страстей пресѣкло дни его слишкомъ рано. Непонятное и вмѣстѣ прискорбное дѣло, что многіе изъ нашихъ пылкихъ, геніальныхъ людей преждевременно удалились съ земнаго міра, какъ бы вытѣсненные какою нибудь предосудительною слабостію. Отъ чего бы то происходило?—

Другой доходъ студента, въ мое время, составляли уроки, которые преподавалъ онъ на сторонѣ, въ порядочномъ барскомъ домѣ, мальчикамъ или дѣвицамъ. Предметами сихъ уроковъ были преимущественно начала русскаго языка и русской исторіи, отчасти географіи, математики и т. п., смотря по степени образованности счастливца-гувернёра ихъ, или надменной гувернантки. Горько, а должно сознаться, какъ глобоко наводнила ими французская революція не только западную Европу, но и великое отечество наше, подобно страшному Везувію, разливающему изъ своего огнедышащаго кратера тлетворную лаву, полезную лѣнивому Неаполитанцу уже въ разрушенномъ ея видѣ. Говоря вообще, эти пришельцы, болѣе грубые и хвастливые невѣжды и болтуны, нерѣдко давали воспитанію нашего столбоваго дворянства какое то особенное направленіе, невсегда

согласное съ духомъ и нуждами отчизны. По ихъ проэкту, въ извѣстный періодъ дѣтскаго обученія, *папá* и *мамá* приглашали университетскаго студента, иногда въ качествѣ Цыфиркина или Кутейкина—безсмертныхъ еще учителей, раскрытыхъ нашимъ острякомъ Денисомъ фонъ-Визинымъ. Высокомѣрный пріемъ, скромная плата—рубля по 2 асс. за урокъ двухъ-или трехъчасовый, а въ санную пору и утлые пошевни—вотъ обыкновенное возмездіе, которое пріобрѣталъ онъ (неопытный) тратою лучшихъ часовъ для собственнаго своего образованія. Самые деньги свои онъ издерживалъ болѣе на прихоти, а что хуже всего, непримѣтно свыкался съ разсѣянностію, легкомысліемъ и даже съ худыми примѣрами. По своему личному опыту, я не могу одобрить этой дидактической промышленности, развѣявшей не изъ одной молодой головы много, много полезныхъ знаній въ самомъ цвѣтѣ ихъ.—Съ большимъ удовольствіемъ, въ чинѣ кандидата, я занимался въ бывшей при университетѣ академической гимназіи преподаваніемъ класса высшей географіи почти моимъ однолѣткамъ.

Лучшее употребленіе изъ моихъ доходовъ сдѣлано было мною поѣздкой въ 1811 году на родину. Свиданіе съ матушкою, сестрами и прочими родными моими, послѣ семилѣтней разлуки, было для меня трогательно, восхитительно. Оно составляетъ лучшую эпоху воспоминаній о моей жизни, особенно вмѣстѣ съ путешествіемъ моимъ, семейно, въ Кіевъ и за Днѣпръ въ Мошненскій монастырь, гдѣ подвизался тогда нашъ дядя—благодѣтель Иванъ Назарьевичъ Тимковскій съ христіанскою чистотою возложившій на себя спасительное крестное бремя, въ видѣ простаго анахорета. О, сколь назидательны были его бесѣды подъ сѣнію монастырскаго орѣшника и винограда, какіе опытные, благіе совѣты вливалъ онъ въ мою душу, юную, немощную! Между прочимъ, прислушиваясь къ моимъ раннимъ, идиллическимъ планамъ, какъ бы поскорѣе водвориться на холмистыхъ берегахъ родимой Згари, онъ съ вдохновенною старческою твердостію говорилъ: „не жертвуй усильно мечтательному побужденію прикова[illegible] себя непремѣнно къ мѣсту твоего рожденія; а живи въ отечествѣ по разуму тамъ, куда Богъ тебя

приведетъ". Къ сожалѣнію, не могъ я выполнить такого совѣта въ точности, покоряясь, впрочемъ, неисповѣдимой судьбѣ, увлекшей меня въ путь, не мною однимъ уготованный, о чемъ объяснюсь, можетъ быть, впослѣдствіи.—

Могъ ли я, сидя на крыльцѣ нашего сельскаго домика и любуясь, какъ

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой,
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ задумавшись въ шалашъ покойный свой [1]),—

могъ ли я въ семъ покойномъ созерцаніи предвидѣть, что черезъ годъ грозная политическая буря, нагнавшая волны западныхъ ополченій подъ предводительствомъ необузданнаго Наполеона, опять доставитъ мнѣ случай видѣть свою родину, обнять моихъ кровныхъ друзей, уклониться подъ тѣнь мирныхъ згарскихъ дубовъ, но уже омраченныхъ всеобщею горестію.

Неглубокіе дипломаты были мы съ незабвеннымъ, добрѣйшимъ братомъ моимъ Романомъ Ѳ.—Возможность вторженія Наполеона въ самыя нѣдра любезнаго нашего отечества была слишкомъ невѣроятна для насъ. И такъ, по окончаніи университетскаго учебнаго курса, мы съ братомъ отправились въ іюнѣ роковаго 1812 г. къ берегамъ нашей тихой Згари, гдѣ онъ давно уже не былъ. Щедрая дружба къ нему извѣстнаго московскаго грека Зоя Павловича Зосимы, единственнаго обладателя необыкновенно большой и прелестной жемчужины, придала сему путешествію нашему много пріятности. Проведя мѣсяца полтора въ тѣсномъ родственномъ кругу, такъ сказать, на лонѣ обожаемой матери, которой ласками воспользовались—увы!—въ послѣдній разъ, мы въ концѣ августа поѣхали обратно въ Москву. Но, чтоже?—Въ Орлѣ насъ встрѣтили плачевною вѣстію: нѣтъ уже Москвы! Она пала славною жертвою во искупленіе всей Россіи и даже Европы. Она исчезла въ пламени и подъ грабительской рукою безчисленнаго сонма алчныхъ супостатовъ. Тамъ погибло и все мое маленькое имѣніе. Но чувствительнѣе всего была потеря значительной библіотеки

[1]) Жу[illegible]ское кладбище.

брата Р. Ѳ., рѣдкаго драгоцѣннаго собранія лучшихъ изданій древнихъ классиковъ и новѣйшихъ филологовъ или знатоковъ исторіи и словесности греческой и латинской. До конца жизни (въ 1820 г.) братъ мой сокрушался о сей неожиданной и невозвратимой утратѣ сего ученаго сокровища, пріобрѣтеннаго имъ въ Германіи личнымъ трудомъ и великими пожертвованіями.

Съ тяжкою скорбію въ сердцѣ и со слезами на глазахъ мы кинулись назадъ и кое какъ добрались до нашего старшаго брата Иліи Ѳ., имѣющаго помѣстье (по женѣ) черниговской губерніи въ глуховскомъ уѣздѣ на р. Шосткѣ. Въ его семействѣ провели мы около полугода, подавляемые самыми грустными чувствованіями при всеобщемъ жестокомъ злополучіи. Составъ и движеніе народныхъ ополченій, то есть милиціи, переходы войскъ, раздробленныхъ смертоносною битвою при с. Бородинѣ, провожаніе непріятельскихъ плѣнниковъ—все это, при извѣстныхъ лаконическихъ повѣстяхъ малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. И. Лобанова-Ростовскаго, густымъ туманомъ облегло сердце всѣхъ и каждаго, пока реляціи съ поприща военныхъ дѣйствій мало по малу начали разгонять мракъ неизвѣстности и озарили упавшій духъ народа счастливыми надеждами. Наконецъ слухъ о бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи, о бѣдственнѣйшей ретирадѣ грозныхъ его полчищъ, и вѣсть о прибытіи Государя Императора въ Вильну, подобно Ноевой голубицѣ, возвѣстили намъ конецъ неслыханному потопу вражескому, наводнившему Россію, и вмѣстѣ зарю возстанія боязливой Европы изъ долгаго порабощенія, въ которое она упала, гнетомая ненасытнымъ властолюбіемъ бывшаго артиллерійскаго офицера, а болѣе увлекшись эгоизмомъ отъ спасительныхъ правилъ добраго единодушія.

Частыми письменными развѣдываніями, какъ дѣти вопіющія къ нѣжной матери, кое какъ отыскали мы съ братомъ Р. Ѳ. наше благотворное университетское начальство, кажется, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Получивъ наконецъ отъ него и родительскій призывъ, и денежное пособіе, мы поспѣшили отъѣздомъ своимъ въ Москву еще въ мартѣ 1813 г., простясь и съ обѣими нашими сестрами, жившими тогда въ с. Авдѣевкѣ, за р. Десною.

Кто изъ Россіянъ не знаетъ, въ какомъ страшномъ положеніи, въ какомъ плачевномъ видѣ была Москва, по выходѣ изъ нея мстительныхъ полчищъ французскихъ. Загляните еще въ краснорѣчивыя описанія нашихъ историковъ сей грозной эпохи, столь живо изобразившихъ назидательный подвигъ Русскаго народа, особенно этотъ пламенный безсмертный памятникъ его вѣры въ Бога и преданности Монарху, его любви къ чести и славѣ отечества и—что всего святѣе—его высокой воли жертвовать собою, чтобъ искупить спасеніе и независимость человѣчества. Нескоро найдемъ такой величественный урокъ на скрижаляхъ всемірной исторіи.

Съ Поклонной горы, на Серпуховской дорогѣ, представилась глазамъ моимъ, въ глубокомъ траурѣ, Москва.

Москва, Россіи дочь любима!
Но нѣкогда и ты стенала
Подъ бременемъ различныхъ золъ,
Едва корону удержала
И свой клонившійся престолъ;
И ты съ лица земнаго круга
Едва не скрылась отъ очесъ!
Гдѣ ты, Славяновъ храбрыхъ сила,
Проснись, возстань, Россійска мочь —
Москва въ плѣну, Москва уныла,
Какъ мрачная, осенняя почь
Возстала! Все восколебалось.
И князь, и ратай, старъ и младъ,
Все въ крѣпку броню ополчалось.
Перуномъ возблисталъ булатъ, и проч. [1]).

Между развалинами пустыхъ домовъ и палатъ, закоптѣвшихъ отъ дыма, по чернымъ улицамъ побѣжалъ я тотчасъ въ университетъ. Однѣ опаленныя стѣны сего достославнаго храма нашихъ музъ стояли передъ мною, какъ вѣщій скелетъ славнаго человѣка, и въ самомъ истлѣніи поучающаго своихъ потомковъ.

По особенному вниманію начальства къ брату моему немедленно были мы съ нимъ водворены въ университетскомъ флигелѣ, уцѣлѣвшемъ отъ роковаго пожара. Встрѣча моя съ то-

[1]) Дмитріевъ, *Освобожденіе Москвы.*

варищами была истинно трогательна; но ихъ оставалось уже немного. Волею правительства, на то время отмѣнено было постановленіе, чтобы казенные воспитанники, по окончаніи университетскаго курса, прожили въ ученомъ званіи (такъ то оно привлекательно) по крайней мѣрѣ шесть лѣтъ. Вслѣдствіе такого разрѣшенія, многіе студенты и ученики тогда-же поступили въ службу, военную или гражданскую. На мою долю, изъ урны судьбы, выпала послѣдняя: такъ угодно было Провидѣнію, неисповѣдимому въ путяхъ своихъ.

Среди приготовленій моихъ къ поѣздкѣ въ С.-Петербургъ. для опредѣленія на службу тамъ, какъ въ широкомъ горнилѣ всей государственной администраціи,—поразила меня, какъ громомъ, убійственная вѣсть о смерти нѣжной, доброй матери моей, скончавшейся въ Малороссіи 4 мая 1813 г. Такое тяжкое извѣстіе нашло меня въ подмосковной деревнѣ одного изъ моихъ знакомыхъ, въ окрестностяхъ г. Воскресенска или Новаго Іерусалима.—„Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвенна буди десница моя“... (Псал. 136). Тамъ у подражательнаго гроба Спасителя пролилъ я мои сыновнія слезы и теплыя молитвы объ упокоеніи души незабвенной въ райскихъ селеніяхъ горняго міра.—Вотъ и теперь оплакиваю сердечную потерю сію, смотря ежедневно на скромный дубовый крестъ, поставленный надъ ея могилою, подъ грушею, на драгоцѣнной левадѣ или полянѣ, противъ моего сельскаго домика.

Въ концѣ того же года получено было въ университетѣ отъ главнаго управленія путей сообщенія, изъ Твери, приглашеніе желающихъ, изъ числа студентовъ, вступить въ государственную службу по тому вѣдомству. На основаніи предварительнаго одобренія профессора Мерзлякова, обращеннаго, въ отвѣтъ къ старшему секретарю совѣта путей сообщенія Хрущову, я отправился въ Тверь, вмѣстѣ съ племянникомъ моимъ (нѣсколько старше меня) И. И. Прохоровичемъ. Многое въ жизни моей случилось нечаянно, скоропостижно. Кто не знаетъ, съ какими заботами и даже непріятностями сопряжено пріисканіе порядочнаго мѣста на службѣ, выгоднаго по жалованью, а равно по мѣрѣ и предмету занятій; ко мнѣ же сіи мѣста шли

какъ бы на встрѣчу. Я говорю это безъ всякаго хвастовства, и отъ чистаго сердца благословляю провидѣніе за его великія ко мнѣ милости. Такъ, едва мы прибыли въ городъ Тверь, черезъ нѣсколько часовъ уже опредѣлены были оба, 8 декабря 1813 года, въ канцелярію совѣта путей сообщенія, можно сказать: изъ ямскихъ саней я пересѣлъ прямо на стулъ младшаго секретаря, съ жалованьемъ 700 руб. ассиг. въ годъ. Прохоровичу досталось мѣсто переводчика, съ окладомъ 600 руб. Оно какъ будто и хорошо; но я не люблю ни въ чемъ торопливости. По моему, когда всмотришься въ предметъ исподоволь, выслушаешь отзывы объ немъ, да и самъ хорошенько понадумаешься, тогда и незнакомое дѣло не будетъ казаться грознымъ медвѣдемъ.

Покровитель нашъ, Александръ Павловичъ Хрущовъ, обладалъ разнородными, обширными познаніями, и въ особенности отличался необыкновенною, острою памятью: это былъ живой архивъ всѣхъ дѣлъ, когда либо имъ производимыхъ или читанныхъ, и отъ того былъ онъ письмоводитель чрезвычайно быстрый, неутомимый. Понынѣ я сохраняю къ нему чувствованія истиннаго уваженія и душевной признательности, которая была бы еще сильнѣе, еслибы онъ, по долгу ближайшаго моего начальника, обошелся со мною на первыхъ порахъ съ большею ласкою, и терпѣливо, внятно раскрылъ бы таинства канцелярскаго дѣлопроизводства; долго, долго казалось оно молодому, неопытному студенту какимъ-то чуднымъ, непостижимымъ хаосомъ бумагъ входящихъ и исходящихъ, протоколовъ, отношеній, предписаній, рапортовъ, докладовъ. Сообразно установленному порядку, Хрущовъ, какъ правитель канцеляріи совѣта путей сообщенія, произвелъ мнѣ и племяннику моему, у себя на дому, подробное испытаніе нашихъ познаній въ наукахъ и языкахъ, предложилъ намъ сдѣлать нѣсколько переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго на русскій языкъ и обратно, а равно задалъ составить экстракты изъ дѣлъ. На мою долю, какъ теперь помню, досталось огромное дѣло, то-есть переписка объ Огинскомъ каналѣ въ трехъ претолстыхъ волюмахъ. Дня четыре трудился я, какъ говорится, въ потѣ лица, надъ этимъ дѣломъ

и надъ моимъ экстрактомъ; но до сихъ поръ хорошенько не знаю, что и какъ я тогда написалъ объ этомъ многосложномъ предметѣ, надъ коимъ безпрестанно летало въ моемъ воображеніи имя мѣстнаго начальника водяныхъ сообщеній, генерала Фалькони. Впрочемъ, правитель канцеляріи впослѣдствіи передавалъ бывало для производства всѣ бумаги, относящіяся до канала Огинскаго преимущественно мнѣ, какъ достовѣрному исторіографу сего водяного пути. Названіе его и теперь пріятно звучитъ въ моихъ ушахъ, напоминая мнѣ превосходную музыку моего любимаго польскаго, сочиненнаго тоже Огинскимъ.—Да, скажу вамъ отъ чистаго сердца, что тогда то я почувствовалъ въ полной мѣрѣ, какъ недостаточно было наше университетское образованіе для юноши, выходящаго на поприще гражданской службы. Всѣ знанія въ туманной теоріи, а практики канцелярской ни на грошъ!—По сей-то причинѣ, если не по какой либо другой сторонней, управлявшій экспедиціею или департаментомъ путей сообщенія Дм. Сем. Серебряковъ, служака готическій, не благоволилъ ко мнѣ почти во все время службы моей въ томъ вѣдомствѣ.

Управленіе путей сообщенія имѣло счастіе прежде состоять подъ начальствомъ Ольденбургскаго принца Георгія, супруга В. К. Екатерины Павловны. То былъ золотой вѣкъ и для чиновниковъ, и для гражданъ тверскихъ. По кончинѣ его, не задолго предъ моимъ поступленіемъ туда на службу, главнымъ директоромъ путей сообщенія былъ инженеръ—генералъ Деволантъ—голандецъ ученый, трудолюбивый и весьма добрый, а членами нашего совѣта, инженеръ генералъ-маіоры: Карбоньеръ, Завалишинъ, Леонтьевъ, Саблуковъ и проч.

Первые шаги мои на службѣ вообще были для меня трудны и непріятны. Суровое обхожденіе старшаго секретаря съ канцелярскими чиновниками (но не со мною); безпрестанное пребываніе, почти жизнь въ канцеляріи; скудное содержаніе, даже безъ чаю и простаго лакомства, а съ другой стороны невыносимая тоска по разлукѣ съ братомъ Р. Ѳ. и съ моими университетскими товарищами: все это повергло меня въ сильную ипохондрію до того, что я рѣшился было возвратиться въ Москву.

Уже подана была мною и просьба объ увольненіи отъ службы, но г. Хрущовъ лично и черезъ посредство моего знакомца по университету, Ѳомы Яковлевича Ранда, уговорилъ меня бросить мое, довольно неосновательное намѣреніе—и я остался съ ними. Самъ не знаю, къ лучшему ли то сдѣлалось, или нѣтъ. Кажется, что и въ университетѣ не было бы мнѣ худо.

Не стану обременять васъ исторіею моей службы: официальное для официальныхъ; а вамъ, друзья мои, пожалуй скажу что нибудь изъ воспоминаній о моей двухлѣтней жизни въ Твери. Городъ, орошаемый рѣками Волгою, Тверцою и Тьмакою пользуется здоровымъ воздухомъ; послѣ великаго пожара отстроенъ щедротами Императрицы Екатерины II правильно и красиво. Граждане зажиточные; преимущественно занимаются судоходствомъ, а богатѣйшіе—хлѣбнымъ торгомъ съ Ригою. Говоря вообще, они непоколебимые приверженцы старины и весьма равнодушны къ связямъ дружбы и общежитія. Высокіе и добрые хозяева сихъ мѣстъ, принцъ Ольденбургскій и супруга его В. К. Екатерина Павловна, старались всѣми способами великодушія и ласки помочь этому горю, къ сожалѣнію, не чуждому многимъ изъ русскихъ губернскихъ городовъ, не говоря уже объ уѣздныхъ. Но тщетно. Бывало, не дозовутся ихъ на придворные вечера или балы, такъ что сверхъ пригласительныхъ билетовъ, не разъ должны были еще посылать камеръ-лакеевъ съ каретами, чтобы притащить дородныхъ купцовъ съ разрумяненными ихъ женами, какъ возятъ въ столицахъ актеровъ и актрисъ. Дочерямъ же ихъ, живымъ портретамъ великолѣпныхъ красавицъ 16 или 17 вѣка, предоставлено одно только публичное гулянье въ году, одно, но зато 30-ти дневное; нѣчто въ родѣ бывающаго въ Петербургскомъ лѣтнемъ саду, въ Духовъ день. Съ 1 іюля по 1 августа, почти ежедневно, и въ полдень и вечеромъ, онѣ оставляютъ свои теремы, и въ лучшихъ нарядахъ, истинно—русскихъ, появляются хороводами то на улицѣ, то у своихъ домовъ, чтобы, какъ говорится, себя показать и людей посмотрѣть. По захожденіи солнца, во всѣхъ концахъ города раздаются ихъ громкія, веселыя пѣсни, начиная съ удалой „какъ у нашихъ у воротъ стоялъ дѣвокъ хо-

роводъ"... и проч. и проч. Но какъ собраніе дѣвицъ не можетъ, да и не должно быть безъ кавалеровъ, то и длиннополые кандидаты супружества, то-есть суженые тутъ какъ тутъ: анъ дѣло выходило и отраднѣе и успѣшнѣе, не въ обиду будь сказано бабушкамъ, въ свое время тоже выглядывавшимъ коварно изъ-за собольей рукавички. Впрочемъ, сколько помню, все шло чинно, благопристойно въ своемъ видѣ и порядкѣ; что подтвердить могутъ и всѣ бывшіе тамъ наши братья кургузые зрители. А почему знать?—можетъ быть, о всемъ томъ что нибудь сказали въ своихъ мемуарахъ, разумѣется съ обыкновеннымъ на нашъ счетъ преувеличеніемъ, и гг. де-Шапель, Монрозъ или другіе плѣнные французскіе офицеры, жившіе тогда въ Твери, и притомъ въ моемъ сосѣдствѣ. Кстати о мосье де Шапелѣ: что это былъ за молодецъ, красивый, ловкій, привѣтливый до очарованія и говорившій даже по русски изрядно! Ну, вѣрно, не одинъ грустный вздохъ полетѣлъ съ береговъ Волги въ слѣдъ за нимъ на приморскія равнины, helas! счастливой Пикардіи. Видно, говоря языкомъ минувшаго столѣтія, Амуръ плохой моралистъ: сковываетъ сердца и племенъ разнородныхъ, враждебныхъ.

По благополучномъ и славномъ заключеніи мира въ Парижѣ, проходили въ 1815 году и черезъ Тверь плѣнные солдаты французскіе, возвращавшіеся изъ нашихъ сѣверныхъ губерній. Поразительно и любопытно было видѣть этихъ стройныхъ, развязныхъ, высокихъ гренадеровъ въ нашемъ простомъ одѣяніи, можно сказать, летѣвшихъ въ свою изнуренную отчизну послѣ вѣковаго, назидательнаго урока, и въ восторгѣ оглашавшихъ пустыя Тверскія улицы пріятными напѣвами своихъ водевилей. Иные продавали намъ плетеныя кольца съ изображеніемъ vive Alexandre!—Другіе же изъ нихъ, особенно Италіанцы, заглядывали даже въ нашу канцелярію, и своими фокусами, гримасами и припѣвами выманивали у насъ деньги себѣ на дорогу. Vive l'industrie!

Наклонность моя или привычка къ уединенію, отъ самыхъ раннихъ лѣтъ, весьма пригодилась мнѣ и въ Твери. Я не могъ, да и сослуживцы мои не успѣшнѣе въ томъ были, сблизиться

съ кѣмъ либо изъ мѣстныхъ жителей, чиновни ковъ и дворянъ А потому лѣтомъ единственнымъ моимъ услажденіемъ были пѣхотныя прогулки по окрестностямъ; причемъ иногда сопутникомъ моимъ былъ сослуживецъ князь Авесовъ, человѣкъ немолодой, но отмѣнно добродушный, потомокъ какого-то поклонника Далай-Ламы. Вотъ и здѣсь еще случай къ моему сближенію съ азіатцами. Изъ окрестностей Тверскихъ незабвенны для меня—Трехсвятское, прекрасное жилище архіереевъ тамошнихъ, близъ него какой-то женскій монастырь, гдѣ г-жа Полторацкая выстроила, было, кровавыми трудами крестьянъ своихъ, огромную каменную церковь, которая, едва на ней водруженъ былъ крестъ, въ мигъ разрушилась до основанія; а всего пріятнѣе бывало мнѣ посѣщеніе монастыря Желтикова, верстахъ въ 4-хъ отъ города. Обитель пустынная, окруженная сосновымъ лѣсомъ, и заунывные напѣвы благочестивыхъ черноризцевъ ея, сладко питали меланхолію въ душѣ моей, подавляемой чувствомъ сиротства и недостаткомъ дружбы.

Наконецъ, генералъ Деволантъ исходатайствовалъ Высочайшее разрѣшеніе перевести главное управленіе путей сообщенія въ С.-Петербургъ, куда онъ и отправился предварительно съ нѣсколькими чиновниками, въ числѣ коихъ былъ и мой племянникъ И. И. Прохоровичъ. Несчастный! Онъ недолго пользовался столичными удобствами; злая чахотка пресѣкла дни его тамъ весною 1815 г., слишкомъ рано и болѣзненно. Послѣ архивы и большая часть чиновниковъ нашихъ, а особливо семейные, отправлены туда-же отдаленнымъ, но своимъ путемъ, то-есть по водѣ; а такъ называемыя нужнѣйшія лица, я, бухгалтеръ А. С. Осиповъ и проч., осчастливлены повелѣніемъ отправиться въ столицу немедленно, на почтовыхъ; что исполнилъ я скоро, исправно и съ истиннымъ удовольствіемъ.

Такъ, 20 января 1816 года я увидѣлъ въ первый разъ нашу столицу, нашъ стройный, чистый, фрунтовый Петербургъ. Городъ поразилъ меня единообразіемъ, своею правильностію и опрятностію; но всегда скажу: Петербургъ красивый гвардеецъ, а матушка Москва добрая барыня, и здоровая и гостепріимная.